

НОЧНАЯ СМЕНА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

ИГУМНОВ Д.А

18+

Денис ИГУМНОВ

Ночная смена

«Автор»

2019

Игумнов Д. А.

Ночная смена / Д. А. Игумнов — «Автор», 2019

После службы в войсках РХБЗ в Москву возвращается главный герой и устраивается на ночную работу охранником в морг. Вскоре ему начинают докучать мертвецы, они приходят к нему в сумерках сознания, рассказывая и показывая истории своих смертей. Черeda трупов приводит героя к юной покойнице, недавно отправившейся на тот свет в результате неудачного подпольного аборта. Её смерть открывает врата в мир загробного зла. На землю приходит ад. Больница со всем персоналом проваливается в иную ночную реальность. Герою необходимо успеть найти путь домой до того, как его настигнет свирепый бог смерти Змеелис. Содержит нецензурную брань.

© Игумнов Д. А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Часть первая. Ночная смена	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	31
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Денис Игумнов

Ночная смена

Часть первая. Ночная смена

Глава 1

После того как я отслужил в армии и прошли три беззаботных месяца после моего дембеля, передо мной встал вопрос об устройстве на работу. Образование у меня было незаконченное высшее. Не доучившись два года до получения диплома в Московской академии тонкой химической технологии, я предпочел пойти в армию. В то серое время депрессия оказалась сильнее меня, успеваемость по предметам снизилась до точки замерзания. На семинарах я перестал бывать, а на лекциях появлялся исключительно под мухой. Мне так всё надоело, – друзья-эгоисты, моя девушка-неврастеничка, агония сессии и самодовольные преподаватели, – что строить из себя дурака и косить под тяжелобольного энурезом слабоумного не стал, а решил честно отслужить в войсках моего профессионального профиля.

В нашей славной армии мои мозги быстро встали на место (в этом мне сильно помогли старшие товарищи и бравые командиры), тем более я служил в родных войсках РХБЗ (радиационной, химической и биологической защиты). Все-таки армия сильно меняет человека, делает из него в кратчайшие сроки самостоятельного, независимого от обстоятельств настоящего мужчину, во всяком случае, так произошло в моем случае. Теперь после службы, повзрослев и поумнев, я понял: хочешь быть независимым – зарабатывай деньги. Хотя в своей жизни не работал и минуты, меня это не пугало. Каким бы ни был природным лентяем, мне нужно есть, одеваться, развлекаться и, наконец, как апофеоз всей моей жизненной программы, жениться. Хорошо еще, что у меня была собственная квартира. Мать разошлась с отцом, когда мне было тринадцать лет. Прожил он после этого недолго, всего три года. Умер отец рано, не достигнув и пятидесятилетнего рубежа. Он злоупотреблял алкоголем, мало ел, плохо спал; работая финансовым аудитором, испытывал постоянный, непрекращающийся стресс. В конце концов водка и нервы сделали свое черное дело – инфаркт. После его смерти мне досталась однокомнатная квартира на Бауманской. Неплохо, правда? Вернувшись из армии, я сразу там поселился. Мама повздыхала по своему непутевому сыну, но что делать, мальчик повзрослел, ему пора жить отдельно, заводить собственную семью. Работая врачом-офтальмологом в обычной районной поликлинике, это она понимала хорошо. Зарплату государство платило исправно, поэтому сбережения у нее имелись. Всласть покурюлесив на ее деньги сто дней после дембеля (это я еще в части задумал, что гулять буду ровно сто дней), решил: всё, хватит. А то засосет, не выберешься.

Очнувшись от алкогольного дурмана и осмотревшись кругом, мне предстояло проанализировать создавшееся положение. Образование ограничивалось одиннадцатью классами, институт я не окончил (вот идиот!) и, видно, уже не окончу. Специальности у меня нет, зато есть запросы, надо сказать, нехилые такие запросы. Хотелось и машину иномарку, и отдыхать в Европе, и квартиру большего размера, и дачу в ближайшем Подмосковье. Парень я не глупый, хорошо физически развитый – спасибо армии и увлечению тайским боксом. Директором в Газпром меня не возьмут, конечно. Но надо же с чего-то начинать. Обзвонив всех знакомых и просмотрев кучу объявлений о работе, я уяснил, что самым реальным для меня будет устроиться простым охранником. Не особо впечатляет, да? Что делать, главное – ввязаться в бой, а

там посмотрим. В этом сомнительном изречении для меня заключалось более половины всей житейской мудрости.

Узнав о моем желании найти работу, мама тоже приняла активное участие в поисках. Результатом совместных усилий стало неожиданно выгодное, хотя бы по деньгам, предложение. Оно, конечно, было не совсем обычным, но привередливым мне, в силу вышеизложенных обстоятельств, становиться никак не с руки. Знакомый матери, главврач городской клинической больницы № 29, предложил устроить меня охранником в судебно-медицинский морг при больнице. На первый взгляд, весьма сомнительное предложение, и все-таки оклад в размере пятидесяти тысяч рублей сразу же снимал лишние вопросы. Охраной усопших занималось охранное агентство «Аметист», являвшееся независимой от больницы структурой. Между ним и лечебным учреждением был заключен договор, в соответствии с которым осуществлялась охранная деятельность на территории больницы и в морге. Естественно, связи между главврачом и руководством агентства были более чем прочными. За меня попросили – и вуаля! После формального разговора с директором агентства я становлюсь охранником. Итак, с понедельника приступаю к работе. Правда, в разговоре с директором выяснился один нюанс.

Центральный офис «Аметиста» располагался почти в центре города, на Новинском бульваре. Пришел я туда точно в назначенное мне время. Переступив порог кабинета начальника, представился:

– Добрый день. Иван Белов, мне назначали на двенадцать часов.

– А, да-да. Заходи, Иван Белов. Присаживайся, – начальник указал рукой на один из стульев рядом с его письменным столом.

Обстановка кабинета не претендовала на роль изысканной. Окно закрывали белые жалюзи, черный письменный стол, легкие и прочные алюминиевые стулья. На стенах висели какие-то дипломы, лицензии, грамоты. На полную катушку работал кондиционер, так что в кабинете, по сравнению с августовской температурой на улице, было довольно свежо и даже холодновато. На столе, кроме компьютерного монитора, стояли две фотографии в стеклянных рамках. Кто на них застыл в памятных вековых позах, с моего места не разглядишь. Хозяином этой нехитрой, я бы сказал спартанской, обстановки оказался мужик средних лет, по выправке – бывший военный, уже начинающий лысеть, крепко сбитый, красномордый и короткошей. Звали его Степан Егорович Самохвалов.

– Что, отслужил и решил начать трудиться?

– Да, погулял, хватит. Надо устраиваться в жизни.

– Доброе дело. Правильно. В каких войсках служил?

– РХБЗ.

– Ууу. В мое время их называли химическими войсками. Сам я в ракетных служил, – он вздохнул, как будто что-то вспомнил, и после непродолжительного молчания продолжил: – В штате охранников нашей фирмы есть только одно свободное место. Это ночной охранник в морг. Работа тяжелая, не все выдерживают. Ночь через ночь. Смена начинается в двадцать ноль-ноль и заканчивается в восемь утра. Зато есть надбавка за ночную работу. Ну как, подходит?

– Подходит! Мне работа очень нужна.

– Разделяю твой оптимизм, но ты, наверное, не совсем понимаешь, где тебе придется работать. Давай так: ты завтра выйди в дневную смену, посмотри, что и как. Я позвоню, предупрежу, что ты завтра будешь. Приходи часикам к девяти. Стажировка. Если подойдет – послезавтра милости просим к нам с документами. У тебя лицензии на гладкоствольное оружие, конечно, нет?

– Нет.

– Это ничего. Поработаешь с месяц – мы тебе выправим.

– Степан Егорович, да я сейчас уже готов к работе приступить. Что, я покойников не видел, что ли?

– Ты, Иван, не спеши. Всему свое время. Ночная смена – это тебе не сахар, а уж в морге и подавно. Это тебе только кажется, что все так просто. Пятьдесят тысяч не за просто так платят.

– Хорошо.

– Всё, давай, как говорится, счастливого пути.

– До свидания.

На следующий день в восемь тридцать я был у дверей моей будущей работы. Здание оказалось серого цвета, двухэтажным, на первом этаже все окна закрывали решётки (наверное, чтобы покойнички не убежали). На больничной территории, обнесенной железной оградой, находились несколько корпусов, которые соединялись с главным семиэтажным зданием стеклянными переходами.

Зайдя в морг, я сразу почувствовал наличие в его холодной атмосфере явных признаков примесей неких особых веществ и препаратов. Мой нос всегда отличался чрезвычайной чуткостью. К обычному больничному запаху приемных покоев больниц едва заметно примешивались запахи формалина, чего-то сладко-вонючего и еще какой-то химической дряни. Слева от входной двери, в глубине холла, виднелась большая двухстворчатая дверь, именно через нее в здание завозились носилки с трупаками. Справа от входа, чуть поодаль, в наполовину застекленной будке сидел охранник в темно-синей куртке с желтым шевроном «Аметист». Он читал газету. Я подошел к будке и, привлекая его внимание, костяшками пальцев постучал по стеклу. Он оторвался от своего чтива, отложив газету в сторону, внимательно посмотрел на меня. Ему было лет тридцать – тридцать пять. Здоровый боров, явно имевший пару десятков лишних килограммов. Кулаки пудовые. Голова крупная, квадратная, какая бывает у некоторых чеченов или дагов. Глазки маленькие, колючие. Лоб выпуклый, глазные дуги выделяются за счет бурно растущих на них бровей-гусениц. Рот пухлый, подбородок мягкий, словно женский.

– Здравствуйте. Я Иван. Мне Степан Егорович сказал сюда прийти.

– Привет. Меня предупредили, – мужчина улыбнулся, его улыбка оказалась, к моему удивлению, обаятельной и открытой, как у ребенка. Весь лик охранника преобразился и стал располагающим к общению. – Меня зовут Егор. Ты давай заходи. Чего там стоять.

Я кивнул и, обойдя будку с левой стороны, зашел внутрь. Сел на стул, который принес Егор из комнаты, вплотную примыкавшей к будке. В нее можно было попасть через смежную дверь. Она осталась полуоткрытой, и я увидел диван, стул, стол и на нем старенький телевизор. По всей видимости, это комната отдыха. Монитор слежения за прилегающей к зданию морга территорией стоял в будке. На нем отображалась ситуация на улице, передаваемая тремя видеокамерами. Пока Егор ходил за стулом, я успел рассмотреть, что за газету он читал. Она называлась «Эротический поиск», хотя в ее наименовании присутствовало слово «эротический», она представляла собой самую что ни на есть настоящую порнографию. По напечатанным на плохой бумаге изображениям женщин в немыслимых позах можно было составить анатомическое пособие для продвинутых гимнасток. Там же размещались объявления о знакомствах и «реальные» фото жен читателей. Почему я был настолько осведомлен об этом? Да потому, что в части мне в руки пару раз попадалась эта газетенка. Её в казарму приносили мои сослуживцы, стояла она копейки, а солдатские желания, сами знаете, даже пресловутый бром не мог полностью уничтожить. Заметив мое внимание к газете, Егор спросил:

– Интересуешься? Возьми, посмотри.

– Не-а. Целый день впереди. Если с утра заведусь, потом не остановлюсь, – сострил я, хотя мне вся эта порночужь никогда не нравилась, но обижать своего возможного сменщика с первой минуты знакомства мне не хотелось.

– Как знаешь, – Егор сложил газету вчетверо и убрал ее в ящик рабочего стола. – Значит, сразу приступим к делу. Вот это и есть наше рабочее место. Все просто. Сидишь здесь, про-

веряешь документы у людей, пришедших за покойниками. Не пускаешь любопытных. Ведешь журнал привоза и увоза тел. Ночью помогаешь санитарам и следишь за территорией. Это все.

– А ночью много работы?

– Как тебе сказать. Думаю, побольше, чем днем. В основном за счет ее геморройности. Много привозят криминальных и аварийных жмуров. Отвечаешь на глупые вопросы родственников, примчавшихся по горячим следам труповозки. Да и ночью здесь всего один санитар дежурит, а ты ему по необходимости помогаешь.

– Аварийных – это как?

– Ну там автомобильные катастрофы, пожары и подобное. Со строек много гастарбайтеров к нам попадает. За ними вообще никто не следит, никакой техники безопасности. Опять же молодежи много – наркоманы, самоубийцы. А днем в основном старики, спокойно скончавшиеся в своей постели от болезни. Ты настоящее вскрытие видел? – неожиданно спросил Егор.

– Не видел.

– Это здорово отрезвляет. После такого зрелища хочется жить, знаешь ли. Тебе надо посмотреть.

– Когда?

– А чего тянуть? Пойдем, я тебя сейчас отведу. Если не сможешь на это смотреть, значит, здесь тебе лучше не работать. У нас все новички сначала на вскрытие ходят.

В это время двухстворчатые двери морга открылись. В них вкатилась тележка, накрытая черным плотным одеялом из полиэтилена, которую вез мускулистый санитар, похожий на пауэрлифтера.

– Что у тебя там, Федор? – спросил мой будущий коллега, выходя из будки с ручкой и разлинованным листком бумаги, похожим на бухгалтерскую ведомость, закрепленным на синем планшете.

– Рабочий с металлообрабатывающего завода. Напился, дурак, и упал в промышленную ванну для закаливания металлических чурок, с кипящим маслом. Сварился заживо.

– Дай-ка посмотрю.

Егор немного приподнимает зашуршавшую пленку, и я вижу небольшую часть того, что лежит на тележке. Розовая масса с облепившими ее крупными желтыми пузырями. Прикрытое тело обнажилось всего на секунду, но мне вполне хватило и этого. К горлу подкатила кислая муть, чтобы сдержать внутри себя завтрак, я отвернулся. От созерцания списка вещей, необходимых при выдаче покойников на руки, который висел на стене рядом с дверью в комнату отдыха, меня оторвал охранник. Он зашел в будку, положил руку на мое плечо и бодрым голосом спросил:

– Ну что, пошли?

– Куда?

– Как куда? Вниз, конечно, в холодильник. Там как раз вскрытие проходит.

– Слушай, может, потом.

Егор сразу погрузился:

– Можно и потом. Только как ты завтра на работу хочешь выйти, не посмотрев вскрытие?

У нас так не полагается, друг.

– Ладно, пошли.

«Что делать, если это так необходимо – надо идти. С нервами у меня все в порядке. Потерплю».

Егор предупредил санитаря, что отлучится минут на десять. Мы покинули наш пост и, завернув за угол, пошли по коридору, по которому за минуту до этого провезли тележку со сваренным, или скорее поджаренным во фритюре, рабочим. Дойдя до его конца, мы уперлись в два лифта, один – грузовой с толстыми створками серых дверей и смотровым окошком круглой формы и один – обычный. Кабину пассажирского лифта освещал тусклый желтый свет. Мы

опустились на один этаж вниз и оказались в еще более прохладном подземелье. Запах химикатов здесь расцветал более явно. От площадки лифтов довольно широкий коридор с высоким пятиметровым потолком расходился в разные стороны. Высота потолка казалась странной и вызывала удивление, мне все подземные сооружения представлялись низкими до степени клаустрофобии, о чем говорил и мой армейский опыт, а здесь его своды как в церкви. Да по такому туннелю, при необходимости, мог проехать БТР. Окончание его правого рукава терялось в таком же тусклом свете, как и в лифте.

– Там газовая котельная, – показав направо, сказал Егор, – а если пройти дальше, можно попасть в самую больницу. По этому ходу из нее к нам умерших больных привозят. Нам сюда, – он показал налево.

Идя по коридору, мы прошли мимо нескольких дверей, в самом конце его увидели дверной проем, закрытый плотной мутной пленкой, две двери оказались распахнуты внутрь помещения. За таинственным покрывалом двигались тени и звучали глухие удары. Мы проникли через эту тепловую завесу и попали в святая святых морга – холодильник. Здесь во встроенных в стены холодильных камерах хранились трупы и производилось их вскрытие. Одетый в зеленый халат и черные резиновые перчатки патологоанатом как раз производил очередное вскрытие. Склонившись над синюшным телом мужчины, он ложкой, похожей на обувную, только большего размера и еще более изогнутой, давил в район глубокого разреза в грудной клетке, помогая себе молотком, загонял эту ложку глубже. Эти звуки от ударов мы и слышали в коридоре. Труп от каждого удара вздрагивал, и его руки подпрыгивали на несколько сантиметров вверх. Заметив нас, патологоанатом прервал свое неблагодарное занятие и, сняв маску, спросил:

– Это кого ты привел, Егорушка?

– Наш стажер. Пускай посмотрит, как ты работаешь.

– Млять, опять. К чему эти смотрины, понять не могу. Ему же охранником быть, а не докторам помогать.

– У нас так положено. Тебе жалко, что ли?

– Да к херам. Не жалко, пускай смотрит. Только пускай никаких фотографий, а тем более видеозаписей не делает.

– Само собой, мы себе не враги. За такое враз вышибут. Проблем не оберешься. Должен на всю жизнь останешься, – Егор обернулся и, улыбнувшись своей открытой улыбкой, подмигнул мне.

Во время этого диалога я скромно стоял в сторонке и смотрел на ступню мертвеца. Черт знает, почему она привлекла мое внимание, неровная, вся какая-то заскорузлая и грязная, она смотрела своими растопыренными пальцами с синими неподстриженными ногтями прямо на меня.

– Ладно, Иван, смотри, как профи работает. Нашего кудесника зовут Владимир Игоревич. А мне пора на пост. Как закончишь – поднимайся. Дорогу найдешь.

Я мотнул головой, что должно было означать «да».

Владимир Игоревич, снова натянул маску, по-шутовски раскланялся и принялся за прерванное нашим приходом дело. Труп он уже наполовину выпотрошил. Рядом в железном хромированном тазу лежали внутренние органы, удаленные из брюшной полости. Теперь доктор мучился с грудной клеткой. Мертвец оказался крепким малым, никак не хотел пускать удаляющий скальпель к легким и сердцу. Но вот ребра с влажным чавком треснули, и грудная клетка раскрылась наподобие жестких надкрыльев у майского жука. Проведя визуальный осмотр, патологоанатом взял несколько соскобов и совсем маленьких кусочков органов. Положив кусочки в колбы с раствором, он принялся за удаление органов. Через три минуты он закончил. Теперь лежащий на железном столе бывший человек напоминал освежеванную тушу свиньи. Из всех внутренних органов в нем оставался только самый главный – мозг. Я обратил

свое внимание на лицо мертвеца. Оно являло собой перекошенное отражение бывшей личности человека, один глаз полуоткрыт, щеки обвисли, все морщины разглажены. Владимир Игоревич перешел поближе к голове трупа. Подняв ее за затылок, он скальпелем нанес несколько незаметных разрезов чуть выше нижней границы волос. Потом запустил свои пальцы глубоко в эти разрезы и в несколько рывков натянул кожу скальпа на лицо. Обнажилась склизкая от крови серая поверхность черепа. Он взял ручное сверло и по всему периметру обнаженной кости просверлил с десятков дырочек. Отложив в сторону сверло, взял пилу, очень похожую на ножовку по металлу. Очень осторожно стал пилить. Звук выходил крайне неприятный, мне сразу же на ум пришел зубной кабинет, тем более запах распиливаемой кости напоминал запах просверливаемого зуба.

Закончив манипуляции с пилой, патологоанатом с помощью широкого шпателя, здесь мое сознание выдало мне знакомую с института ассоциацию, поддел крышку черепа и снял ее, открыв моему взору серо-розовую тайну, называемую людьми мозгом. Отделив его от позвоночного столба, он вынул эту тайну и без всякого видимого уважения шлепнул в таз к остальным внутренностям. Поставил обратно крышку черепа, закрепил её, и смятое хмуростью натянутой кожи лицо снова сделал скучающим воплощением смерти, закрыв скальпом оголенный череп. Быстро зашил и перешел к тазу.

Меня все время подташнивало, в нос бил аромат начальной стадии разложения, гнилой крови и препаратов для бальзамирования. Голова кружилась, но я пообещал себе досмотреть всё до конца.

Все кишки патологоанатом отложил в другой таз, промыв остальные внутренности в специальном растворе, положил их вместе с мозгом в плотный целлофановый пакет и поместил его в зачищенную от слизи и сгустков крови брюшную полость.

– Зачем это? – с искренним удивлением спросил я.

– А? – до увлеченного своей работой доктора не сразу дошел смысл задаваемого вопроса. – Внутренности в пакете?

– Да. Чтобы покойник раньше времени не стух. Именно такие органы, как мозг, печень, легкие, начинают гнить в первую очередь.

Обыденность и безразличность голоса Владимира Игоревича подействовали на меня удручающе. Я почувствовал, что еще несколько секунд – и не смогу сдержать потоки рвотных масс, усиленно рвущихся из меня наружу. Я повернулся и быстро пошел к выходу. Мне в спину раздались приглушенные тканью маски флегматичные слова доктора:

– Туалет – третья дверь с правой стороны.

Умывшись холодной водой и немного придя в себя, я поднялся на первый этаж к Егору, то есть к Егорушке (после такого обращения к нему патологоанатома он теперь ассоциировался у меня только с этим ласкательным вариантом его имени). По моей бледной физиономии было видно, что мне нехорошо, поэтому, взглянув на меня, он произнес:

– Ничего, ничего, в первый раз всех колбасит. Привыкнешь. Поработаешь здесь и не такое увидишь. Помню, в прошлом году в декабре, тогда еще снег на земле не закрепился как следует, слякотно было и серо, привезли к нам одного молодого парня, скончался во сне. Стали вскрывать, а он внутри пустой, то есть совсем, внутренностей никаких нет и следов предварительного потрошения, шрамов там, разрезов, тоже нет. Если бы ты видел, какой тут у них переполох начался. Решили это дело замять и родственникам не говорить. По слухам, когда разрезали его живот, на внутренних стенках брюшины выделялась набухшими венами надпись: комбинация слов «депрессия» и «компрессор» или что-то в этом роде. Я потом у Владимира Игоревича спрашивал, только он отмахнулся и сказал, что этого не было никогда. Ну я-то знаю, что было. Мне сменщик рассказывал, при нем этого парня привезли.

– Это ты специально, чтобы меня добить окончательно, всякие городские легенды рассказываешь? – спросил я. На душе и в желудке было муторно, и поэтому разглагольствования о диких случаях самопотрошения покойников мне слушать совершенно не хотелось.

– Ладно, отдыхай. Шучу я, – сжалившись над моей бледной физиономией, произнес Егорушка и, достав из ящика стола порнографическую газетенку, стал с интересом рассматривать напечатанные там потешные картинки.

Остаток дня прошел спокойно. Больше, слава богу, никого не привозили, и я, дождав-шись восьми вечера, весьма охреневший потопал домой.

Ночью мне приснился сон. Я вижу себя со стороны, будто я, или скорее мой дух, нахожусь в подвешенном состоянии, смотрю сверху на стеклянную сторожевую будку – будущее место работы. В ней сижу, собственно, сам я и читаю книгу. Мне, как бесплотному духу, видно все, что происходит за стенами, они для меня словно стеклянные, а для моего второго «я», сидящего в прозрачной кабине, не очевидна угроза, которую я ясно вижу. Ко мне, увлекшемуся чтением, со всех сторон по коридорам морга стекаются зомби. Их вид наводит на мысль о многочисленных месяцах нахождения под землей. Странно, но они точно не временные жители морга, скорее, пришли с ближайшего кладбища, покинув гнилые гробы, места своего постоянного пребывания. Я пытаюсь предупредить себя и что есть мочи кричу: «Беги!!!», но сам себя не слышу. Слова уходят в бесконечную вату реальности, мне кажется, даже рыбы в пруду и то переговариваются между собой громче. Мысленно сжав кулаки, бью в окружающее пространство и ощущаю под ними резиновую поверхность надутого шара. Повторяя попытку за попыткой, мне все же удается обратить внимание моего второго «я». Что он почувствовал, я не знаю, только вижу, как поднимается его голова и его глаза – мои глаза – смотрят в угол, где парю я. Поздно: перекрывая все пути к бегству, из-за углов один за другим вываливаются зомби. Томление от неизбежной беды гнойным нарывом безнадежности прорывается мне прямо в сердце. Нечем дышать. Плохо...

Из сна меня вытащили звуки приехавшего за очередной порцией бытовых отходов утреннего мусоровоза. Первый раз в жизни я был рад этим бухающим звукам контейнеров и гидравлическим пшикам, смешанным с гудением подъемных механизмов автомобиля.

Провалявшись в постели еще час, я встал, моя решимость выйти на работу, несмотря на пережитое испытание вскрытием и кошмарный сон, оказалась тверда: захватив необходимые документы, я поехал в центральный офис конторы оформляться на работу. Первая моя ночная смена выпадала на ночь с четверга на пятницу.

Глава 2

Я пришел за двадцать минут до восьми вечера. Сегодня менял охранника Александра. Всего же нас в этом царстве мертвых, изображающих из себя стражей ворот, ведущих прямо в смерть, было четверо. Два дневных и с моим приходом стало два ночных. В центральном офисе мне выдали форму, фонарь и дубинку, так что на работу я пришел во всеоружии. Александр быстренько передал мне журнал и ключи от дверей на улицу, а также и от всех подсобных помещений. Я расписался, и он, счастливый и довольный, пожелав мне удачи, быстренько свалил, даже не дождавшись официального окончания своей смены.

С собой я прихватил несколько бутербродов, термос с кофе, роман Стивена Кинга, и, конечно, со мной был мой смартфон. Если совсем заскучаю, чтение надоеет, а работы будет мало (на что искренне надеялся), всегда можно залезть в интернет, так что скука, как я думал, мне не грозила. От созерцания моих владений меня отвлек неожиданный вопрос:

– Новенький?

Я обернулся и увидел уже знакомого мне здорового санитаря.

– Я Федя, – поздоровался громила и засунул свою ручищу в мою будку.

Я без колебаний пожал протянутую мне руку, представился. Рукопожатие оказалось по-настоящему мужским, крепким, но не чересчур. Кожа руки санитаря – теплая и сухая.

– Мы сегодня с тобой дежури́м. Если кого-нибудь привозят, меня сразу ребята с труповозки вызывают. Там около двери звонок, они кнопку нажимают, я у себя слышу и иду.

Да, мужик вроде добрый, но с интеллектом явно проблемы, – подумал я. Ему было около тридцати, лицо хмурое, казалось, он специально хмурится, от чего весь его вид становился несколько потешным. Волосы торчали вихрами в разные стороны.

– Федор, а где ты здесь базируешься?

– Там, в санитарской. Если чего надо – заходи. Я пойду чаю попить.

– Ага, давай.

Дневной свет постепенно угас, зажглось уличное освещение. Территория больницы осветилась желтыми фонарями. Вокруг корпусов и рядом с решетками забора росли деревья – липы, клены и тополя. К тому же, к забору больницы примыкали только трамвайные рельсы, автодорог поблизости не было, поэтому, когда я в наступившей тишине вышел покурить на крыльцо, воздух показался мне достаточно чистым, во всяком случае, для такого мегаполиса, как Москва.

Тени от деревьев и электрический, будто остановившийся в своем беге свет, создавали мистическую атмосферу предчувствия неожиданных событий. Я уже четыре часа нахожусь на работе, а еще ни одного клиента к нам не привезли. Эта пауза показалась мне затишьем перед бурей, но все равно мое настроение оставалось хорошим. Я вернулся на свой пост.

Читать мне сейчас не хотелось, и я уткнулся в телефон. После прочтения новостей зашел на свой любимый сайт боев без правил. Надо сказать, мой любимый боец – это Бензопила. Он америкос, но мне это без разницы. Пиндосы умеют создавать запоминающиеся образы, ведь от этого зависят их заработки. А у Бензопилы образ был под стать псевдониму. Молодой белый мужчина двухметрового роста, накаченный как профессиональный бодибилдер, профильный тайский боксер. Последнее меня особенно в нем привлекало, ведь я, как и он, занимался тайским боксом. Ну и, конечно, он был весь в татуировках, словно отсидевший тридцать лет авторитетный индеец, решивший в одночасье выйти на тропу войны. Во всю спину он наколол себе бензопилу, на пузе, в позе эмбриона, изобразил чужого, на груди – иконостас сенобитов из фильма «Восставший из ада». Волосы перекисно-белые, прическа – еж. Рожа вся в шрамах, нос сломан, бровей нет: то ли он их специально сбрил, то ли у него аномалия такая и волосы

на этих местах не росли. Глаза небесно-голубые, ледяные и выпученные в непреходящем перманентном приступе ярости.

Рекорд Бензопилы на сегодня составлял двадцать три победы, из них двадцать одна – нокаутом, три поражения и одна ничья. Да, ему, скорее всего, никогда не удалось бы стать чемпионом, и, скорее всего, ему и большинству его фанатов было на это насрать. Почему? Если бы вы видели, что он вытворял в клетке, такой вопрос у вас бы не возник. Бензопила устраивал кровавую баню в каждом своем поединке. Если противник падал, он вбивал его в землю до тех пор, пока от него не оставалось одно кровавое месиво из лицевых костей, хрящей и мозгов, но в стойке шансов противостоять ему было еще меньше. Никаких компромиссов, рубка от первой до последней секунды.

У нас в стране фанатов Бензопилы тоже хватало. Тусовались они в основном на этом сайте, и время от времени кто-нибудь из них нет-нет, да и выкладывал интересные сюжеты или любительские клипы из нарезок боев Бензопилы. Вот и в этот раз я обнаружил кое-что новенькое. Клип! Я нажал на «плей» и стал смотреть. Зазвучала музыкальная тема вступления. Раздались отдаленные звуки раскатов грома, запульсировало изображение – оно то гасло, то снова разгоралось. Частота включений нарастала, заревела пила, и началось:

ЖЖЖ УРЖЖЖ ЖИИЖИИИИ

Я Бензопилааааа!

Я распилю тебя!

Пилю, пилю, пилю,

Пилить не устаю,

Железный яяяя,

Резня, резня, резня,

И вот тебе уже нужна

Реанимацияяяяя!

Жужжанием глуша,

Я пролезаю к вам туда,

Где красная течет вода.

Пилю, пилю, пилю,

Пилить не устаю,

И вот тебе уже нужна

Реанимацияяяяя!

Вокал представлял собой истеричные протяжные вопли обладающего серьезным голосом неизвестного мне певца. Сами по себе музыка и слова песни впечатляли, но совместно с демонстрируемыми кадрами лучших моментов боев Бензопилы действовали на меня как укол амфетамина, смешанного с сустаномом, поставленного прямо в мозг. Мне даже показалось, что экран телефона изнутри запотел кровавым туманом. К сожалению, клип оказался коротким, всего полторы минуты. Его малую продолжительность я компенсировал количеством просмотров.

Как следует насладившись зрелищем и закачав этот клип в «Избранное», я с сожалением перешел к другим событиям. Ничего интересного, кроме того, что в ближайшие выходные в Питере пройдет очередной турнир М-1. Неплохая организация, только по-настоящему классных тяжей в ней дралось маловато.

Прошел еще один час, вспомнил, что дня три не проверял свою электронную почту. Зайдя в почтовый ящик, обнаружил всего три письма. Два оказались рекламной чушью, а третье – письмом с «Авито». Я разместил там объявление, решил продать коллекцию своих фильмов, записанных на DVD. Теперь, в связи с развитием новых технологий, надобность в них

отпала. Не нужны они оказались не мне одному. За те два месяца, пока объявление висело, не поступило ни одного отклика. И вот теперь письмо. Администрация сайта предлагала за определенную плату поднять мое объявление в поиске. Денег я платить не собирался, но от нечего делать зашел на сайт. Посмотрел на свое объявление, на счетчике посещений застыла унылая цифра три. Я перешел в раздел объявлений под названием «Разное». В нем иногда попадались весьма забавные предложения. Кто-то продавал бабушкин буфет, кто-то – проектор для просмотра диафильмов или кусок хризолита величиной с кулак. Так я развлекался еще с час и наткнулся на весьма интересное, хотя и бредовое объявление: «Продаем жидкость для оживления мертвецов. Дам гарантию сто процентов. Жидкость из спецхрана химических войск СССР (моих родненьких, то есть), из закрытого еще в 90-х годах хранилища. Забытый эксперимент, забытые в одной из дальних комнат контейнеры...» И прочее, и прочее, и прочее. Да, чего только на ночь глядя в инете не найдешь. Номер телефона мне показался до странного знакомым. Где же я мог его видеть? Только ради стеба записал номер продавца, ибо по указанной в объявлении цене можно было купить путевку в какую-нибудь теплую страну по системе «Все включено».

На часах, висящих в вестибюле прямо напротив моей будки, стрелки показывали час быка – два ночи. Пора почитать Кинга. Роман пухлый, как всегда. У короля ужасов, на мой взгляд, сие произведение не получилось, роман вышел на удивление нудным, затянутым. Мне захотелось спать. Постоянно зевая, я пощипывал себя за ушные мочки и старался отгонять сон хорошими порциями кофе. Все мои действия, направленные на сохранение бодрости в ночное время суток, успешными оказывались лишь отчасти. Буквы перед глазами прыгали, строчка налезала на строчку, все-таки сказывалось отсутствие у меня привычки не спать целую ночь. Когда я в очередной раз протер ладонью лицо, отгоняя сонливость искусственно вызванным притоком крови к кожным покровам, всем телом почувствовал едва заметную вибрацию, как от подземных толчков при землетрясении. Эта нервная дрожь, передаваемая напрямую в мой организм через бетонные конструкции здания, исходила из подземного этажа морга. Я это понял сразу, интуитивно и испугался. Сон слетел с меня, как последний забытый осенью желтый лист, подхваченный первым стремительным порывом зимнего ветра с дерева, уже погружившегося в зимнюю спячку.

Отложив в сторону книгу и взяв в руки резиновую дубинку, я поспешил в сторону лифтов. По пути зашел в комнату санитаров. Заглянув в приоткрытую дверь, я увидел на столе электрический белый чайник и рядом с ним кружку с фотографией ее хозяина. Самого Феди видно не было.

– Федор! Ты здесь?

Для верности я еще постучал дубинкой по косяку двери.

– Федор!

Мне никто не ответил, даже эхо не повторило мой призыв к санитару. Мои слова словно ушли в вату. Я огляделся и продолжил свой путь, тем более что урчание из-под земли повторилось. И чем ближе я подходил к лифтам, тем отчетливее оно становилось.

Лифт спускался мучительно медленно. Он остановился, двери с дребезжанием разъехались в стороны. Лампы в коридоре, ведущем в холодильник, светили вполнакала. Продвигаясь в этой желто-серой полутьме, я невольно с каждым шагом раскручивал бег своего сердца, пока его стук не стал по своей интенсивности приближаться к частоте сокращений сердечной мышцы зайца. Вибрация больше не повторялась.

Большие двери в отделение холодильника снова были распахнуты. Заходи кто хочешь или выходи. Когда я подошел уже непосредственно к плотным полоскам тепловой завесы, раздался удар – глухой, раскатистый. Его низкий звук будто исходил из огромного брюха барабана-гиганта. Пластиковые шторы затрясли своей мутью, и весь воздух наполнился дрожью: звуковой озноб, в том числе, проник и в меня. Каждая моя клетка завибрировала в унисон с

ним. Я остановился. «Может, ну это всё на х...? Нет, надо идти. Что там может быть страшного? Просто обстановка места меня кошмарит. Убежать с работы в первую же смену – это же позор. Конечно, в жизни не работал, вот и страшно». Я раздвинул пластиковые полосы и шагнул внутрь.

Все тускло. Светящиеся хромом столы для вскрытий стояли пустыми. Крышки холодильных камер закрыты. Из моего рта вылетали облачка пара, температура здесь не превышала пяти градусов. Я был мокрый от пота, заметил это только сейчас, потому что мне с каждой секундой становилось все холоднее. Пройдя еще несколько шагов, посмотрел направо, а там, в слепой зоне, от порога ее увидеть нельзя, одна из холодильных камер оказалась открытой. Ее толстая крышка слегка раскачивалась. Вот она-то и производила те звуки, которые моя разыгравшаяся фантазия превратила в удары по боевому барабану ада. Раз – и воздушные струи мощных кондиционеров, подчиняясь внутренней программе этих агрегатов холода, переменили направление. Попав на крышку, толкнули ее, и она всей своей массой въехала в стену. Раздался стук, да, именно тот, который я слышал, только теперь моя успокоенная обыденностью происходящего психика, дав сигнал мозговым рецепторам, отвечающим за слух, восприняла его громкость на порядок тише. Надо же услышать такой стук через столько перекрытий и дверей, да еще находясь на первом этаже! Это что-то удивительное, на грани фантастики!

Ну что ж, в жизни и не такое бывает. Обрадованный счастливым исходом, я мысленно плюнул и принялся закрывать камеру. Вдруг услышал за спиной скрип, напрягся и замер. За моей спиной задвигалась одна из двух тяжелых дверей холодильника. Я резко обернулся, и на меня, стремительно надвинувшись из-за двери, навалился обнаженный труп мужчины с зеленым лицом и черными потрескавшимися губами. Дыхание перехватило, я не мог издать и писка. Неизвестная сила повалила меня на черно-белый кафель.

Зеленое пятно лица мертвеца вплотную приблизилось к моему. Его руки сжали мою голову, а ледяной лоб прислонился к моему лбу. На меня навалилась стопудовая тяжесть потустороннего мира, и, несмотря на отчаянное сопротивление, я не мог даже пошевелиться, лишь мои руки и ноги шарили в поиске несуществующей опоры. Мгновение – и у меня в голове лопнул пузырь с цветными красками. Я закрыл глаза... открыл их и очутился на кухне обыкновенной московской квартиры. Передо мной разворачивалась весьма обыденная сцена пьесы семейной жизни, ежедневно повторяющаяся в миллионах домов по всей стране. Я вроде и был ее участником и в то же время наблюдал со стороны, как в кино. Картинка происходящего то приближалась ко мне, и я мог видеть малейшие нюансы происходящего, то уходила на общий план, а то показывала мне события с таких вывернутых ракурсов, какие и самому подкованному огромными бюджетами оператору Голливуда не снились.

Молодая женщина не старше двадцати трех лет готовила обед. Стены кухни площадью двенадцать метров были апельсиновыми, сама мебель темно-желтого цвета, в классическом стиле. На четырехконфорочной газовой плите стояли кастрюльки и сковородки. Вода бурлила, масло скворчало. Я чувствовал ароматы поджариваемого лука и пряного мясного бульона. Женщина, или даже скорее девушка, одетая в лиловый халат с нашитым на нем серебряным драконом, являла собой идеальное представление мужчин о сексуальной кукле Барби. Идеальная фигура, 90-60-90, загорелая бархатная кожа и длинные пальцы на руках, увенчанные розовыми ногтями, делающими пальцы визуально еще более длинными. Белокурые локоны ангела, сейчас собранные на макушке в элегантную пальму, огромные голубые глаза, чуть вздернутый носик пуговкой, ямочки на щеках и алые, полные затаенных желаний губы. Она казалась мечтой, если смотреть на нее со стороны, на самом деле она была полностью и безвозвратно фригидной стервой. Эта информация пришла ко мне, как, впрочем, и ее имя – Аня, сама собой, без моих усилий, откуда-то извне.

Аня вот уже три года маялась замужем за Сергеем Жертовым, вполне состоявшимся мужчиной сорока с небольшим лет, директором одной успешной торговой фирмы, занимаю-

щейся продажей бытовых моющих средств. Сама она приехала три с половиной года назад в Москву из Харькова. Ее идеалом были деньги, и чем больше их у нее становилось, тем лучше она себя чувствовала. Поэтому Аня поставила перед собой цель во что бы то ни стало выйти замуж за богатого человека. Устроившись менеджером в офис той самой фирмы, где работал ее будущий муж, она очень быстро собрала необходимую информацию и расставила приоритеты. Выбрав себе в жертву Сергея, начала планомерную, продуманную до мелочей осаду сердца своего избранника. То, что он был женат, ее не смущало ни в коей мере. Ни на каких других парней с момента принятия решения она больше не отвлекалась. Сергей ее обаятельной сексапильности сопротивлялся недолго, через месяц он по уши в нее влюбился, а через полгода бурного романа ушел из семьи. Вскоре мечта Ани реализовалась в виде шикарной свадьбы стоимостью в пять окладов ее мужа.

Уже в течение первого года совместного проживания Сергей понял, что ни секс, ни он сам Аню не интересуют, ее страсть – деньги, вечные покупки одежды, косметики, драгоценностей и т. д. Но всё еще ослепленный своим чувством, он продолжал удовлетворять все ее прихоти. Купил ей машину «Мазду 3», взял квартиру в кредит, опустошил полностью свой счет в банке, залез в долги. В общем, пытался ей угодить, считая ее своей принцессой. С работы она, естественно, ушла.

Со своей стороны, Анна за этот год лютой ненавистью возненавидела мужа. Во-первых, за то, что денег у Сергея оказалось не так много, как ее провинциальному воображению рисовалось вначале, во-вторых, он ей не нравился, ну а пуще просто так, потому что стал для нее обузой. Она считала, что достойна лучшего, перед ее алчным взором каждый день проносились груды бриллиантов и мешки денег в дорогих представительских и спортивных машинах, не то, что «Тойота-Королла» ее дефективного мужа. Даже запах его пота по ночам, после секса, был ей омерзителен. Он казался Ане явно отдающим серой, а утреннее амбре изо рта Сергея – кислое, липкое, говняное – бесило и вводило ее в состояние бессильного ступора. Поэтому постепенно она превратила его жизнь в ад. Стала требовать все больше и больше, подбивала на финансовые махинации на работе, скандалила, оскорбляла и унижала его. Хотя и не нуждалась, завела себе двух молодых любовников, ему назло, только из желания наградить его развесистыми рогами.

Аня бы давно ушла от Сергея, если бы нашла себе подходящего барыгу с деньгами. Но то ли у нее запросы повысились, то ли в связи с присутствием в ее жизни того, кого она считала помехой, ей перестало везти, найти замену своему опостылевшему мужу она не могла. А он терпел, терпел до тех пор, пока однажды, почувствовав себя плохо на работе, не приехал домой раньше обычного. Там он застал свою милую женушку на кухне, распивающей коньяк с одним из ее любовников – Олегом, накаченным безмозглым красавчиком. Они сидели одетые, погруженные целиком в прелюдию перед сексом. Аня сориентировалась молниеносно, ни одна мышца ее тела не напряглась, ни одна нервная морщинка не образовалась на ее лице. Она представила своего знакомого, еще по Харькову (он, кстати, действительно приехал оттуда), которого якобы случайно встретила на улице и пригласила в гости. Есть такие границы лжи, перейдя которые даже добровольный слепец прозревает. Муж все понял, но не подал виду. Под благовидным предлогом быстренько выпроводил так называемого земляка, после чего вернулся с Аней на кухню и жестоко избил ее. Так отбил ей почки, что она потом с неделю мочилась кровью. Ее смазливое личико опухло и почернело от кровоподтеков, но он запретил обращаться к врачу, хотя белок правого глаза полностью залило кровью. Когда Аня смотрелась в зеркало, ей казалось, будто ее глаз изменил свою исходную геометрию. Она перестала спать. Потом началась чесотка, и из заплывших синяками глаз засочилась прозрачная липкая жидкость. Сергей купил ей мази от синяков и капли для глаз. Всё, остальной помощи она так и не дождалась.

Через три недели все синяки и ушибы, слава богу, прошли, а с ними в небытие безвозвратно ушли и прежние отношения в семье, сложившиеся за эти три года брака. Сергей перестал исполнять ее капризы, общался с ней по необходимости, сухо и в приказном тоне. С тех пор Аня, помимо обычного омерзения при виде мужа и ненависти к нему вообще, затаила вполне конкретную злобу и желание отомстить. С виду оставаясь покорной, она теперь постоянно думала о расправе над Сергеем. Случай, который подстроил сам дьявол, помог ей выработать хитрый план.

В одно из воскресений ее муж вместе со своим лучшим другом отправился за грибами. Он вообще увлекался тихой охотой и старался каждый год хотя бы несколько раз за сезон выбираться в подмосковный лес. Ему даже во сне снились грибы: как он их собирает, как их вокруг много и какие они большие, ядреные, красивые. Поиск грибов расслаблял, успокаивал Сергея. В лесу он мог напитаться энергией на весь следующий рабочий год.

Аня, сидя дома, залезла в интернет и от нечего делать стала читать разные статьи про грибы. Это занятие показалось ей скучным, однако ее внимание привлекла статья о бледной поганке. План созрел сам собой, без особых усилий. Аня собралась и, найдя в поисковике несколько грибных мест, противоположных тому направлению, куда укатил ее муженек, поехала.

Погода в этот воскресный день выдалась пасмурной, то и дело накрапывал мелкий дождик. За час она добралась до населенного пункта, за которым, если верить интернету, начинался грибной лес. Аня натянула на свои белые ножки резиновые сапоги, надела куртку с капюшоном и прорезиненные перчатки, какие используют при обслуживании автомобилей. Все эти не типичные для нее предметы туалета она позаимствовала у мужа. Поэтому сейчас Аня чувствовала себя несколько неуютно, все эти вещи висели на ней, и она сама себе напоминала маленькую девочку в папиной одежде.

Она никогда не ходила за грибами, все ее детство прошло в городе. Родственников в деревне, бабушек, дедушек у нее не было, росла с матерью, которая каждый день после работы пила и частенько не ночевала дома. Чему, кстати сказать, девочка радовалась: кому хочется получать зуботычины и затрещины просто потому, что у ее мамочки настроение плохое. Так что Аня довольно быстро повзрослела, стала самостоятельной, насмотрелась и на пьяную в слюни маму, и на ее хахалей – подонков. К двенадцати годам поняла, в чем смысл жизни и что от нее хочет мир. Ну что ж, если так, то она в долгу не останется.

Войдя в лес, Аня не обращала внимания на такие мелочи, как неудобная одежда или льющаяся за воротник с веток деревьев вода. Она начала поиски. На самой опушке на глаза ей сразу же попала россыпь коричневых мясистых свинушек на толстой ножке, пройдя мимо них, она углубилась в лес. Далеко Аня заходить не рисковала, старалась ориентироваться на просвет между деревьями. Так она проблуждала в чаще минут сорок, но больше ей никаких грибов найти не удалось. Разозлившись, Аня вернулась на опушку и пошла вдоль берега искусственного водоема, отделяющего лес от населенного пункта. Вот здесь грибы уже росли. Она в них не разбиралась, узнавала лишь красные мухоморы. Проходя мимо полянки, зеленым пятном облепившей бугорок и своим языком спускающейся к пруду, она заметила довольно большую шляпку гриба, белую, с чуть заметным зеленоватым оттенком. С забившимся сильнее обычного сердцем подошла, опустила на корточки, раздвинула в стороны длинные травинки и увидела, что ножка гриба выходила не прямо из земли, как это обычно бывает с большинством грибов, а из нароста, своей формой напоминающего чешуйчатое яйцо. Осторожно, не дай бог дотронуться до гриба голой кожей, сорвала его и посмотрела под шляпку. Так и есть, там пластинки имели бледный, белый цвет. Она нашла то, что ей было нужно. Ура!

Домой Аня, как и планировала, вернулась раньше мужа. Упаковав свою находку в непрозрачный пакет с надписью: «Азбука вкуса», она спрятала его глубоко в морозильник. Все вещи,

надетые на нее, вычистила и положила на место. Вскоре вернулся радостный муж с целой корзиной пахучих белых грибов.

– Аня, я дома, – прямо с порога оповестил о своем приходе Сергей.

Она вышла из комнаты в халате и бигуди. Подойдя к мужу, поцеловала его и, посмотрев в корзинку, сказала:

– В этом году это твой лучший улов, дорогой. – Взяв в руки один из грибов, будто наиболее понравившийся ей, с большой каплевидной ножкой, с темно-коричневой, немного отдающей красным цветом шляпкой, она поднесла его к носу, вдохнула аромат леса, покачала головой и, вернув гриб на место, произнесла: – Потрясающе, словно сама в лесу побывала.

– Зря ты с нами не поехала. Поверь, это ни с чем не сравнимо. Лучше, чем две недели на пляже валяться, – разуваясь, продолжал говорить Сергей.

– Да, ты, наверное, прав. В следующий раз обязательно составлю вам компанию. И чтобы загладить свою вину, хочу приготовить тебе из твоих трофеев что-нибудь вкусненькое.

– Да? – Сергей искренне удивился, раньше за Аней он никогда не замечал желаний приготовить ему на завтрак даже яичницу, не говоря уже о том, чтобы сварить обед. – Ань, может, не стоит. Уж лучше я сам их пожарю.

– Ну зачем же тебе напрягаться, милый. Я хочу сделать тебе приятное. Я раньше не говорила, но у моей мамы был секретный рецепт приготовления грибов. На мой день рождения она всегда их своеобразным образом запекала, ууумм, пальчики оближешь. Сегодня я все подготавливаю, а завтра ты придешь с работы и тебя будет ждать сюрприз.

– Хорошо, уговорила, – сказал приятно удивленный таким рвением жены Сергей.

Он все еще ее любил и в глубине души хотел, чтобы она осталась с ним, поэтому подумал, что этот разговор, возможно, начало новых отношений с Аней и все еще будет хорошо. Впервые за несколько последних месяцев он почувствовал себя спокойно.

Остаток воскресного вечера Аня провела в заботах обыкновенной домашней хозяйки. Перебрала, почистила грибы, сварила их. Ночью она занялась с Сергеем любовью. Удивительно, но у нее это получилось искренне, и со вкусом. Впервые в своей жизни она так отдавалась этому процессу. Оргазм, конечно, не наступил, зато Аня испытала нечто напоминающее звериное наслаждение, а точнее, чувство паучихи, предвкушающей свой обед в виде оплодотворяющего ее сейчас самца.

На следующий день, едва дождавшись, когда одуревший от счастья муж уйдет на работу, она вскочила с постели и принялась за готовку. Достала из морозилки свой пакет, положила в раковину на разморозку. Надела на руки тонкие резиновые перчатки и, пока с гриба сходил лед, занялась луком и картофелем. Она решила первый раз в своей жизни приготовить полноценный ужин для Сергея. На первое – щи из свежей капусты с говяжьей грудинкой, на второе – запеченные в сметане грибы с луком и картошкой, плюс тушеное мясо. К тому времени, как приготовился бульон, стало возможно работать и с грибом. Она решила его не отваривать, рассудив, что так он лучше подействует. Осторожно, все время пряча ладони в резине перчаток, порезала гриб на кубики, добавила к отваренным вчера белым грибам и приступила к предварительному обжариванию с луком. Добившись золотистого цвета грибов и лука, посолила, поперчила и переложила эту смесь в алюминиевую форму, залила 20-процентной сметаной, поставила в духовку. Пока главное блюдо запекалось, Аня готовила мясо и суп. К возвращению мужа с работы стол был красиво сервирован, а блюда полностью готовы. По всей квартире разливался теплый аромат лесных грибов. Пройдя к столу, умиленный таким вниманием Сергей сказал:

– Анечка, да ты просто волшебница!

– Садись, сегодня я тебе буду прислуживать, мой господин.

– А как же ты?

– Я хочу посмотреть, как ты ешь. Доставь мне, пожалуйста, такое удовольствие. Тем более я уже поела, а после шести, для сохранения моей фигуры, есть не рекомендуют.

– Ладно. С чего начнем?

Она налила ему немного шей, положила мясо. Сергей выпил рюмочку перцовки и в один присест проглотил порцию супа. Аня все время неотступно наблюдала, как он ест: на ее губах блуждала легкая улыбка. Потом настало время главного блюда. Жена положила мужу ложку тушеной свинины и четыре ложки запеченных грибов с картошкой. Больше всего она боялась, что он может почувствовать горечь гриба и откажется есть, хотя в интернете говорилось о замечательных вкусовых свойствах бледной поганки. Как там написано, так и произошло. Муж накинулся на грибы с необыкновенной жадностью, проглотив почти всю порцию. С набитым ртом он сказал:

– Какой кайф. Ты достигла верха кулинарного искусства. Молодчинка. Особенно мне нравятся попадающие на язык более плотные и сочные, чем остальные, кусочки грибов. Изумительно.

– В этом-то и есть мой секрет. Кушай, хочешь добавки?

– Да, – сказал он, протягивая ей опустевшую тарелку.

Развязка наступила под утро. У Сергея страшно заболел живот, его стало подташнивать, разболелась голова, затем он почувствовал нестерпимую резь в глазах. Поднялась температура, при этом его конечности оставались холодными. Блевал он так, будто через рот рожал сам ад. Густая черная субстанция выходила из него непрекращающимся вонючим потоком. Он сидел в заляпанной майке и семейных трусах около ванной, его сознание помутилось, он мог только свешивать голову за край и выплескивать из себя туда остатки горькой желчи. Он хотел что-то сказать, но постоянно накатывающие рвотные позывы прерывали его. Наблюдая за всем этим, жена, изображая заботу, дала ему активированного угля, а через двадцать минут его мучений сказала:

– Я сейчас вызову скорую. Потерпи.

Ушла в комнату, но никуда звонить не стала, села на краешек дивана и начала ждать. Еще через два часа звуки из ванной перестали тревожить ее своей натужной громкостью. Она уж было собралась пойти посмотреть всё ли кончено, как в темноте коридора зашлепали шаркающие шаги босых ног. Она напряглась и с ожиданием уставилась на проем двери. Покачиваясь, на пороге появился ее муж. С абсолютно слепыми глазами, с зеленым лицом и черной пеной на потрескавшихся губах. Он стоял и смотрел на нее, сквозь нее. Постояв так несколько секунд, он, постепенно заваливаясь, упал боком в коридор, оставив в зоне видимости лишь свои мозолистые желтые ступни...

– Э-ге-гей! Очнись, – передо мной, словно из тумана, выплыло широкое лицо Федора. Он почти влез ко мне через окно и теперь тряс раму окна своими крупными руками. – Ты чего это в одну точку уставился? Выпил?

Я снова сидел в своей стеклянной будке, на столе передо мной лежала раскрытая на середине книга Стивена Кинга. Млять, ну и сон! Да какой реальный, до сих пор чувствую грибной запах, смешанный с вонью черной блевотины.

– Давай пошли, ты мне дверь откроешь. Жмура очередного привезли.

Я протер свое лицо, снял с гвоздика ключи, взял с собой журнал учета и пошел за санитаром к двери, через которую в морг вкатывали тележки с мертвецами. Федор стоял там с этой самой тележкой и ждал меня. Я отпер замок, и на меня сразу дохнуло душистым запахом ночного лета. Около пандуса стоял коричнево-зеленый фургон, в просторечье называемый «буханкой». Его задние фары светились в темноте пьяными вишнями. Створки дверей были открыты, около них стояли два человека, они курили и о чем-то нехотя бубнили. Увидев меня, один из них протянул мне какую-то бумагу и произнес:

– Принимай свежачка, начальник.

После чего он расписался в моем журнале, и они отошли в сторону. Помогать нам с Федей выгружать покойника они и не собирались, и, как только мы перетащили закутанное в простыню тело из пахнущего гнилой карамелью кузова «буханки» на наши носилки, эти два деателя сели в свой катафалк и, не сказав нам свое последнее «прости», укатили.

Дойдя с Федей до моего поста, я уже хотел зайти в будку, как санитар сказал:

– Пойдем, пойдем. В холодильнике еще поможешь мне его в камеру запихнуть.

Спускаться туда мне категорически не хотелось, само собой понятно почему, но что делать, такова моя работа. Отвезли его вниз. Там Федор остановился именно перед той камерой, из которой в моем сне вылез отравленный муж. Все еще чувствуя себя не очень хорошо, я стал помогать Федору переносить покойника с тележки в холодильную камеру. Я взял его за щиколотки, а он – за подмышки. Ощущение от прикосновения к холодной скользкой коже не из приятных. Но перед этим Федя снял простынь с трупа, и меня посетило неприятное чувство дежавю. Я со страхом увидел глядящие на меня с позеленевшего лица слепые глаза и успел рассмотреть губы, черные от ввевшегося в них яда бледной поганки.

Глава 3

Самое неприятное, что, придя домой и завалившись в кровать, я так и не смог уснуть. Меня посетило некое зыбкое забытье, сквозь которое я отчетливо различал все посторонние звуки, идущие из соседних квартир и проникающие через щели в окнах с улицы. То сосед с верхнего этажа решил испытать на прочность свою недавно приобретенную дрель, то во дворе монотонно, раз за разом срабатывала автомобильная сигнализация, а то и просто птицы устраивали многоголосый концерт. Перед глазами всплывало зеленое пятно лица покойника, слышались болезненные звуки рвоты. Да, первая моя ночь в морге выдалась на славу, фантазия, напитавшаяся впечатлениями от предыдущих событий, выдала картины озарения, впрыснутые прямым в мою воспаленную психику. Мне не спалось. Промучившись так часов пять-шесть, я встал, оделся, пошел в магазин прогуляться и прикупить колбаски со свежим хлебом.

Возвращаясь домой, я вошел в подъезд, и там меня словно громом ударило. Тот номер телефона в объявлении про жидкость, будто бы оживляющую мертвецов, принадлежит мне самому. То есть принадлежал мне до армии, когда я в институте учился. Что это? Шутка такая? Или я действительно рехнулся? Второе предположение показалось мне, в свете недавних событий, более вероятным, ведь настолько близких друзей, которые могли бы меня таким образом разыграть, у меня просто-напросто не было и нет.

Через день мне снова предстояло идти на работу. Немного свыкшись с произошедшим на предыдущем дежурстве и все равно волнуясь, ожидая очередных сюрпризов, я вышел на улицу, сел на трамвай и поехал в больницу.

К десяти часам вечера, когда стемнело, привезли криминального мертвеца. Его еще днем заметили пенсионеры, рыбачившие на одном из прудов, расположенных в черте города. Он всплыл и дьявольским пузырем парил над поверхностью воды, зацепившись остатками мокрой одежды за кривую подводную корягу. Пока вызвали полицию, пока достали и все оформили, шарик солнца закатился за желтую черту горизонта. К нам этот подарок судьбы приехал только сейчас. Когда открылись двери труповозки, я понял, что утопленник пролежал в воде не менее недели, летней недели, а точнее, последней июльской недели. И почему его обнаружили именно в мою смену?

Такого смрада я не нюхал еще никогда. Даже бывалый санитар и тот морщил нос и отплевывался. Мерзкий запах тухлой тины, разложившегося мяса проникал в носоглотку, осаждался там, и, даже отхаркивая обильно образующуюся в результате этого слизь, от него трудно было избавиться.

В холодильнике, куда мы вместе с Федей перевезли труп, меня ожидало зрелище не менее жуткое, чем запах разложения. Там под ярким белым светом галогеновых ламп я, не желая этого, будто магнитом притянутый, смог рассмотреть покойника более подробно. Раздутые водой ступни ног, ладони рук, натянутая на них кожа синего цвета и под давлением пузырящегося гнилой влагой мяса слезающие со своих насиженных мест помутневшие ногти покойника. Огромный залитый вонючей жидкостью живот, бочкообразная грудь и лицо из детских кошмаров безнадежного героинщика. Глаза раздулись, вылезли из орбит; язык, принявший размер говяжьего, вывалился и торчал серым жирным глистом из лиловых помидорообразных губ; щеки походили на надутые силачом синие грелки. Весь изгвазданный, в ошметках водорослей мертвец нестерпимо вонял и сочился коричневой слизью. Определить его биологический возраст не представлялось возможным. Опознавательным знаком для определения личности покойника могла послужить только татуировка на левом плече. На ней был запечатлен солдат в камуфляжной форме, рядом с которым сидел волк с оскаленной пастью. Только с третьей попытки нам удалось запихнуть труп в холодильную камеру.

Потом мы с Федором минут сорок отмывались, но так до конца и не избавились от этого омерзительного запаха. Вернувшись к себе в будку, я стал пить чай и одновременно пытался забыть увиденное. Выпив две кружки крепкого чая и не удовлетворившись оказанным на меня увеличенной дозой кофеина воздействием, я снова поставил чайник кипятиться.

Человек все-таки быстро приспособляющееся существо, еще позавчера меня тошнило от вида вскрытия, а сегодня ничего, даже не замутило. Как это ни странно, но вскоре меня потянуло в сон. Из набежавшей волны забытья меня вытащил скрип дивана в соседней комнате. Я встал и прошел в каморку, там на диване сидел парень лет двадцати. Коротко остриженный под пехотинца времен последней мировой войны круглоголовый брюнет с правильными чертами лица. Одет он был в черную рубашку и голубые джинсы.

– Ты чего здесь делаешь, а? – с угрозой спросил я.

– Привет. Меня зовут Антон.

Он встал и протянул мне руку. И сделал он это так открыто, по-доброму, дружелюбно, что я не удержался и пожал ее. Меня тут же прошиб электрический заряд, перед глазами заплескали уже знакомые мне разноцветные искры, реальность оплыла голубым воском, и я невидимым никем наблюдателем оказался в подвале с низким потолком.

В помещении плотным строем стояли старые офисные стулья начала нулевых годов, на которых сидела своеобразная публика. От того, что помещение не отличалось размером стадиона и количество человеческих голов приближалось к сумме всех килек, напшигованных в жестяную банку, казалось, что людей намного больше, чем предназначенных для их разноименных задниц стульев. Над сборищем висел тяжелый туманный дух, сквозь который через силу пробивался свет от допотопных стоваттных ламп, не защищенных абажурами. Обстановка приближалась к спартанской, ничего лишнего, только рациональная функция и вещи, ей полностью подчиненные. Всего здесь присутствовало человек тридцать. В основном это были молодые ребята от пятнадцати до двадцати пяти лет. Бритые головы преобладали над длинными хвостами поклонников тяжелой музыки, а короткие куртки и спортивные костюмы – над косухами и плащами.

Перед пассионарной публикой выступал человек небольшого роста, с седыми волосами, подстриженными под одинокого лесного ежика-мутанта. За его спиной сидели еще три человека мрачного вида, одетые, как и оратор, преимущественно в одежду темных тонов. Во втором ряду справа, около побеленной стенки, сидел Антон, и по его виду трудно было сказать, внимательно ли слушает он говорившего или находится в трансе, глубоко погружившись в собственные мысли. Во всяком случае, он уставился немигающим взором на оратора и неотрывно следил за его извивающимся волнистыми линиями ртом.

– Подводя итоги прошедшей недели нашей идеологической борьбы, я бы хотел выразить особую благодарность – говорил седой мужчина, – двум пятеркам. Пятерке номер восемнадцать – за пикетирование ДК Ильича и срыв там очередного собрания секты «Дети Христовы», – голос вождя напрягся, и дальнейшие слова он стал произносить со всё более нарастающим нажимом. – Вы все знаете, как я отношусь к сектам. Их скрытая тоталитарность оскорбляет мои чувства национального государственника, они отнимают наш хлеб. Только мы имеем право быть единственными экстремистами в стране и то только потому, что наши цели кристально чисты. Великая держава от Финляндии до Аляски, самопожертвование и полная ответственность за русский род. Остальных в топку огня наших глаз и под подошвы наших маршевых сапог. Молодцы, ребята! Так держать! – раздались шумные рукоплескания и звонкий свист с галерки. – Командир пятерки – Константинов Олег. – За объявлением лидера снова последовал взрыв искренней радости соратников. – В дальнейшем вам, я думаю, надлежит развить успех и приступить к постоянному давлению на руководство секты и, как следствие, ее самороспуску. Для этого к вам присоединятся еще несколько пятерок бойцов. Старшим назначаю Константинова. – Вновь рукоплескания. – Олег, после собрания зайди ко мне, получишь

более подробные инструкции. – Парень в круглых очках и джинсовой куртке с нашитым на спине куском коричневой кожи, выделанной под крокодила, привстал, в знак согласия кивнул и снова сел на место. – Следующее. Пятерка под номером восемьдесят восемь, руководитель – Зацепин Станислав, за прошедшие с нашего последнего собрания дни совершила больше всех карающих рейдов, а именно их количество составило для нас рекордную цифру двенадцать. Двенадцать акций за неделю, подтвержденных видеоматериалами, это, я вам скажу, самый настоящий подвиг. – Подвальную комнату собраний заполнил одобрителный гул. – Я так говорю еще и потому, что идущая за ними на втором месте пятерка совершила всего три рейда. Половина наших пятерок совершила всего по одному рейду, а вторая половина не совершила и одного. Пятерка Зацепина доказывает нам, что все разговоры о невозможности проведения больше двух рейдов в неделю, или о том, что я, мол, работаю и у меня не остается времени на активную партийную работу, просто профанация. И от таких болтунов нам придется освобождаться в самое ближайшее время, пусть нас станет меньше, зато мы станем эффективнее. А балласт пускай течет в партию Начальной Военной Подготовки или в бригады Святого Иосифа. Прими нашу благодарность, Станислав, спасибо тебе лично от меня. – Зал заплодировал, и Зацепин вынужден был встать и вскинуть руку со сжатым кулаком в партийном приветствии. – Теперь перейдем к более грустным, но от этого не менее важным событиям нашей жизни. На этой неделе на рейдах погорели еще две наши пятерки. Их задержали прямо во время акции полицейские, да не просто патрульные, а, судя по их экипировке, одно из спецподразделений МВД. Об этом поведали двое наших ребят, которым все же удалось от них уйти. Делайте выводы сами. Об акциях знает ограниченное количество людей, и, хотя они, акции, как таковые, не являются тайной, каждая пятерка выбирает себе цели исходя из поставленных перед нею руководством партии задач и осуществляет их решение в секторе ее индивидуальной ответственности. Отсюда можно сделать, с одной стороны, положительный для нас вывод – внутренние органы заметили нашу возросшую активность и стали уделять нам особое внимание. Вы все знаете, что это означает. – Зал притих. – На наступившем этапе нам, именно сейчас, как никогда нужно следить за своими языками. Тайна общения с товарищами по борьбе не пустой звук. Каждого из вас могут попытаться поймать на провокации и заставить работать сексотом. Теперь за разглашение тайны рейда или другой партийной акции, пусть касающейся только вас, даже если вы этой информацией поделились с таким же, как вы, бойцом из соседней пятерки, грозит наказание, вплоть до исключения из рядов бойцов до скончания веков.

Вы знаете, о чем я говорю, по вашим глазам вижу, дополнительных объяснений не требуется. – Вождь говорил круто. Слова, как выстрелы из снайперской винтовки, точно били в души его адептов. – Возвращаясь к нашим товарищам, сидящим в тюрьмах и зонах, хочу отметить, что их число приближается к психологически значимой для нас цифре – сто человек. Собирать для них передачи партии становится все труднее. Поэтому прошу всех проявить искреннюю солидарность с героями нашей борьбы и выделить из своих доходов столько, сколько, по вашему, нужно было бы вам самим при таких же печальных обстоятельствах. – Ребята, вставая, потянулись к столу, стоящему прямо перед вождем, на котором возвышалась стеклянная красная ваза в форме водяного взрыва – именно ее каждый раз использовали для сбора пожертвований. – Одну минуту, еще одно маленькое объявление, – сказал вождь. – Антон Самойлов, прошу, зайди к нам после Олега, хорошо?

– Да, вождь! – отозвался Антон.

После собрания все его участники немедленно рассосались из комнаты по обширным закоулкам подвала. Кто-то сидел в столовой и дожидался пока закипит чайник, кто-то прошел в комнату, превращенную завсегдатаями партии в любительскую качалку. Туда недавно принесли две штанги, гантели, повесили несколько боксерских мешков. Многие расположились в первом помещении перед входом – приемной, болтали, смеялись, курили.

Антон ожидал своей очереди на прием к вождю, он уселся на приступке стены и делал вид, что читает последний номер партийной газеты «Луч». В голове крутились разные тревожные мысли. «Зачем меня вызывают? До этого дня я и не догадывался, что вождь знает мое имя. Я ведь простой боец, и не командир пятерки, хотя и не безынициативный. Пара моих предложений (льщу себе надеждой) изменила облик организации. Может быть, они узнали? Но откуда? Да нет, не может быть! Меня заложить никто не мог хотя бы потому, что никто ни черта не знает».

Просидев за размышлениями минут пятнадцать, Антон чуть было не упустил из виду выход из кабинета Константинова. Настала его очередь, внутренности подрагивали, но внешне он оставался совершенно спокойным. Войдя в комнату, он увидел перед собой четверых руководителей организации. Вождь сидел во главе стола, по правую руку от него развалился в мягком кресле Мартынов (за глаза все в партии называли его Мартышкой), он все время таскался за вождем и повторял все его высказывания, иногда доводя их до абсурда, за что время от времени получал от вождя по кумполу. А еще он обожал выпендриваться, одевался только в заграничные дорогие европейские тряпки, пил только виски или текилу, ну и тому подобное. Нравилось ему и это кресло, в котором он так вальяжно сейчас восседал. А вот вождь сидел на обычном стуле, а этот – на мягоньком, да еще мусолил своими толстыми губами сигару. Пижон партийный. Официально он значился всего лишь партийным пресс-секретарем. Его никто не любил, но многие боялись. Забросать догмами и утопить в словесном поносе он мог кого угодно. Рядом с ним сидел Сергей Буров, сотник, боевой руководитель всех пятерок. Постоянно возбужденная мышца организации. Хитрый, осторожный в высказываниях и безжалостный в драке, личный телохранитель вождя. Бывший спортсмен, мастер спорта по боксу. А слева от стола, около стены прямо на корточках сидел бессменный лидер московского отделения Михаил Дьяков. Вполне вменяемый мужик, если бы не его постоянное маниакальное чувство подозрительности. Он искал стукачей среди своих и любой косяк партийца, пускай и случайный, был склонен превращать в мотив для долгих унижительных разбирательств и проверок.

– Присаживайся, Антон. – сказал Михаил.

Антон сел за стол и таким образом оказался лицом к лицу с самим вождем.

– Тебя попросили зайти вот по какой причине, – после недолгой паузы Дьяков продолжил: – У нас, как ты знаешь, в последнее время сорвалось несколько акций. Бойцы попали в камеры к ментам. В партии идут нехорошие разговоры, ребята по своему недомыслию стали отлынивать от рейдов. То есть от того самого сейчас нужного, что нас и сделало той силой, которой мы сейчас являемся. Надеюсь, ты понимаешь – это прямая угроза!

– Да, я все понимаю. Ну а я-то чем могу помочь? Ведь, если ты помнишь, идея упорядочить и ввести в обязательку рейды с их видеоподтверждением исходила от меня.

– Да? Что-то не припомню такого. А вы, товарищи, такое помните? – обратился Дьяков к присутствующим.

– Помню, идея пришла к нам из самой партийной гущи, – начал Мартышка, – от рядовых партийцев. Но вот от кого именно, однозначно сказать не рискну.

Буров тоже молчал, как бы подтверждая правоту предыдущих высказываний. Поняв, что против него здесь если не заговор, то уж точно негативный настрой, Антон по-настоящему испугался, тем более он все еще не понимал, что происходит.

– Ладно, не суть, – продолжил Михаил. – Вернемся к обсуждаемому вопросу. Из пяти взятых на акциях пятерок в трех ты ранее был бойцом. Вообще, ты часто скачешь из одной в другую.

– Ну и что? На этом основании вы делаете вывод, что я агент ФСБ?

– Не мы, ты первый об этом заговорил! – подал голос Буров.

Пропустив эту обвинительную реплику мимо ушей, Антон продолжил:

– Просто я два раза переезжал и раза три работу менял, вот и все. Все это в разных районах, и, естественно, мне удобнее проявлять себя в партии по вечерам, после работы и там, где находились места моего тогдашнего трудоустройства.

– Да-да, нам это известно, – сказал Михаил. – Но вот мне вспоминается действительно твоя идея. Ты взял на себя труд активизировать работу с так называемым пассивом партии, теми людьми, которые числятся в наших списках, но фактически в жизни организации не участвуют, – он вопросительно посмотрел на Антона, тот сидел с каменной мордой и ждал продолжения. – Ребят ты действительно стал обзванивать и вовлекать в активные действия. Только вот какая жалость, все эти действия ты свел к собраниям в районах их проживания, к тренировкам, обсуждениям партийной жизни, сплетням. Это же фракцизм!

– Фракции внутри партии недопустимы! – воскликнул Мартышка. – Это раскол! Внутренняя диверсия!

– Да вы что! Да эти парни в активной деятельности никогда и не участвовали, а я их подтянул, работу с ними наладил.

– А почему в таком случае они ни в одной нашей акции не участвовали? Сколько их там, сорок-шестьдесят человек? – задал вопрос Буров.

– Какие там шестьдесят человек? Их не больше десяти. А насчет их участия, так ребят еще обучить надо, поэтому я с ними и тренируюсь.

– Короче, партия решила запретить тебе заниматься такими делами. Списки членов тебе для работы больше давать не будут, – сказал Михаил.

– Здорово, – промямлил Антон. Он не успел скопировать списки, а это в его работе было главным.

До этой последней фразы вождь сидел молча и довольно спокойно слушал весь разговор, внимательно наблюдая за Антоном. Теперь же он взял слово:

– Антон, ты не расстраивайся, пойми своих старших товарищей, они намного опытнее, чем ты. У них есть свой, выстраданный многими годами политической борьбы, опыт, и тебе они хотят только добра. У меня есть предложение, – обратился он к своим трем самым близким соратникам. – Сегодня, как вы уже знаете, мы должны провести одну весьма важную для безопасного будущего нашей организации акцию. О ней знают только люди, находящиеся здесь, а теперь и ты, Антон. У руководства есть сомнения в твоей преданности. Что ж, в нашей борьбе бывает и не такое. И ты сегодня, став главным участником этой акции, снимешь все вопросы о своей благонадежности. Или другой вариант: ты можешь отказаться, уйти отсюда и больше никогда здесь не появляться. Выбирай.

– Я выбираю акцию. Я вам докажу! – Антон, разозлившись от несправедливых обвинений, выкрикнул эти слова почти не думая. Позже он об этом пожалел, но было уже поздно.

– Я не сомневался в тебе, Антон. Пройдешь испытание – и дальше сможешь заниматься своими списками и подготовкой новичков. Такие люди, как ты, нам очень нужны. Можешь пока идти, отдыхай.

Антон поднялся и повернулся к выходу, когда ему в спину прозвучали следующие слова вождя:

– Да, и не выходи, пожалуйста, никуда из штаба до акции. Сдай Сергею свой телефон. Безопасность прежде всего, сам понимаешь. А ты, Сергей, побудь с ним, проследи за его настроением, замотивируй как следует. Чтобы его дух воспарил над обыденностью на недостижимую для обыкновенных людей высоту, доступную только для духа героев. Помогите нашему боевому товарищу, ведь такая важная акция – первая в его карьере.

Антон оказался в ловушке. Конечно, Бурова к нему приставили не для того, чтобы он его соплю утирал, а чтобы он никому ничего не смог сообщить. И все-таки, по правде говоря, его это мало волновало, ведь он действительно не был агентом ФСБ или МВД. Беспокоила его грядущая акция, если она была действительно настолько важной для этой идеологически чуждой

для него партии, то он ни в коей мере не хотел становиться ее участником. Дело в том, что он являлся агентом политической организации прямо противоположной по своим политическим целям и идеологическим установкам той, в которой он вынужденно состоял уже без малого год. Руководство его партии поставило перед ним несколько целей, помимо внедрения в партию – лидера на экстремистской сцене столицы, главного своего врага, ему предписывалось раскачивать ее изнутри, разъесть ее монолит разными внеорганизационными объединениями и увлечениями. Переманивать ее рядовых членов, в дальнейшем заниматься их перевербовкой и, конечно, предупреждать о всякого рода акциях, направленных непосредственно против его родной организации.

А теперь его стали подозревать в сотрудничестве с органами. Бред? Нет, не бред, только на первый взгляд это могло показаться чушью. Вождь имел звериное чутье и слепо ему доверял. Он явно что-то почувствовал, и вот результат – проверка. Сейчас Антон сидел в уголке на кухне, прижатый к стенке крепким торсом Сергея Бурова, искал выход и не находил его. К десяти часам вечера все рядовые члены партии разошлись. А еще через полчаса за ним с Буровым пришел Мартышка. Сегодня он надел на себя бархатный пиджак с фиолетовым отливом, вельветовые штаны и шляпу.

– Пора. Поехали, – сказал он.

Выйдя из штаба на свежий воздух, они вчетвером – Антон, Буров, Мартышка, Михаил Дьяков – зашли за угол пятиэтажки, где их уже ждал автомобиль – старый «Рендж Ровер». Усевшись в его салон, они поехали по ночному городу, держа путь по направлению к МКАД. За рулем сидел Михаил.

– Куда едем? – спросил Антон.

– Приедем – увидишь. Главное, не нервничай. Уже скоро, – ответил Буров.

И правда, не доезжая до кольцевой дороги, они свернули в сторону, потом еще раз и еще, пока не оказались на темной разбитой грунтовке, со всех сторон окруженной нависающими на нее кронами деревьев. Машина вихляла и тряслась на каждой кочке. Ее ослабленные возрастом рессоры не могли в полной мере смягчить неровности пути, и все-таки, преодолев все трудности, автомобиль доставил компанию на место. Вокруг темно, только огни относительно недалеко расположенных домов слабо освещали поляну, на которой они остановились.

– Выходим, – приказал Буров.

Все вышли. Антон огляделся по сторонам и спросил:

– И что мы тут делаем?

Он еще не успел закончить фразу, как на его горло, прерывая вопрос, накинули плетеный шнур удавки. Это незаметно зашедший за спину Антона Мартышка воспользовался сложившейся ситуацией. Руки Антона непроизвольно вскинулись к шее, тогда Буров нанес ему в область печени страшный боковой удар, что-то в его брюхе булькнуло, и боль, пронзившая бок, попробовала согнуть его вправо. Не вышло. Подоспевший Михаил вместе с Буровым придавил Антона к земле, именно туда, куда гнула хватающая печень острыми зубами пасть нестерпимой боли. Разжали и зафиксировали руки. Вскоре Антон захрипел, из глаз брызнули слезы, а из носа – сопля. По его телу прошла последняя судорога, и он, вывалив изо рта сизый язык, затих.

– Подходящая смерть для Иуды, – сказал Михаил. – Теперь его надо раздеть и утопить... Чем это так нестерпимо воняет? – произнося последние слова, он словно собака стал принимать. – Ой, ё, да он по ходу обоссался и обосрался до кучи. Блядь, нет никого желания этим заниматься.

– Тьфу, – Буров смачно плюнул на тело предателя. Плевком попал на волосы затылка Антона.

– Какая гадость, – сказал, вытирая о траву руки, Мартышка. – Казнить предателя не так весело, как я себе представлял.

Убийцы раздели труп, привязали к нему привезенный с собой груз и утопили в пруду. Одежду и оказавшиеся при нем документы они увезли с собой.

Но на этом меня не отпустило – трип продолжился. Вместе с Антоном на глубину грязных вод пруда опустился и я. Мне тоже передалось чувство задыхающейся безнадежности. Меня потянуло вниз и со всех сторон все больше стала давить холодная вязкая тьма. Света становилось все меньше, а удушье – все сильнее, и когда я почувствовал, что больше не могу, что сознание мое кривится и мутится, меня рывком выбросило на свет. Я широко открыл рот, вздохнул полной грудью и огляделся. Я все так же сидел в будке охранника, чайник в соседней комнате надрывался в сигнальном писке, а рядом со мной никого не было. Исчез призрак, не стало Антона, бывшего партийного разведчика и нынешнего утопленника.

Утром, сдав дела сменщику, я поплелся домой. Уже дома, лежа на диване на накрахмаленных простынях под ватным одеялом, я стал рассуждать. Ко мне в гости, в мою голову, приходили мертвецы. Теперь я уже знал это точно. Если первый случай я мог списать на излишне разыгравшееся воображение вкупе с нервным припадком внезапного прозрения, то второй убедил меня в реальности происходящего кошмара. Мёртвым по неизвестной мне причине приглянулся именно я. Может, со мной сыграли злую шутку моя излишняя эмоциональность и шок от увиденных, в первые часы моего нахождения на рабочем месте, ужасов, а может и нет. Кто знает?

Если я пойду к врачу, меня гарантированно отправят к психиатру. А если я буду настаивать на своих видениях, дурки мне не избежать. Что же делать? И поделиться не с кем, вот засада. Ладно, посмотрим, поглядим, что будет дальше. Может, я все же разонравлюсь мертвякам, и они переключатся на кого-то другого. И тут меня озарило. А вдруг, они хотят, чтобы я помог следствию в поиске их убийц? Хотя, если я приду в полицию, например, с рассказом о последнем убийстве этого разведчика в чужой партии, скорее всего, на меня и падет подозрение полицейских. Потом будешь доказывать, что ты не верблюд. На работу припрутся все эти следователи и оперы, или кто там у них ходит и показания свидетелей собирает. Прощай работа, уволят сразу, никто разбираться не станет. Нет, это не выход. Или они, мёртвые, хотят, чтобы я за них отомстил? Ну это, знаете ли, дудки. На роль ангела мести я не гожусь. Как ни крути, данных для принятия правильного решения не хватает. Как это ни прискорбно, надо ждать. Жить.

Глава 4

В этот раз я менял Егорушку. Он, отдав мне журнал, уходить домой не торопился. Завел разговор о телках. Стал травить байки про своих телок. Где, как и каких сучек он трахал. Не скажу, что меня все это как-то интересовало, но я его не прерывал. Меня устраивало его присутствие вместе со мной ночью на посту, даже несмотря на то, что он время от времени, для убедительности секс-побасенок, что ли, трогал район своего паха. Я был уверен на сто процентов, что, пока я не один, мертвецы беспокоить меня не будут.

– На следующее утро я ее еле выпроводил. Понравилось ей всю ночь на четвереньках стоять. Ха. Ладно, а ты чего молчишь? Выпьем, да? Заодно и расслабишься!

Что и говорить, его предложение показалось мне весьма соблазнительным. Выпить хотелось. Я понял это сразу, как только он сделал мне предложение. Вот, оказывается, чего мне не хватало. До этого желание напиться мучило меня подспудно и теперь, так неожиданно озвученное Егорушкой, можно сказать, вздрючило физически. Поэтому я ответил:

– А что, есть?

– Спрашиваешь... – ответил Егорушка, доставая из своей спортивной сумки с оранжевой надписью: «Рибок» бутылку дешевого коньяка «Апшерон».

Я, тут же вспомнив служебную инструкцию, строго-настрого запрещающую бухать на рабочем месте, спросил:

– А как же работа? Не хочу по-глупому ее терять. Проверка может приехать или стукнет кто.

– Не бойсь. Проверяющие из центрального офиса у нас бывают не чаще, чем раз в полгода. И мы об этом за неделю узнаем. А про стукалово – кто стучать-то будет? Может, Федя?

– А что, нет? Хотя бы и он.

– Да нет, он на это не способен. Сам он не пьет, но и другим не мешает. Он безвреден, как божья коровка. Ну что, вздрогнем?

Порочность моего желания удовлетворить жажду опьянения победила мою совесть и страх увольнения. Распив с Егорушкой примерно три четверти бутылки, я как-то странно быстро, для такого количества выпитого, отключился. Меня окружила радуга...

Я увидел, как из подъезда многоквартирного дома вышел мальчик лет тринадцати. Ко мне пришло его имя – Юра. Одет он был не модно: старые джинсы, застиранная зеленая футболка и китайские кроссовки. Как всегда, в восемь часов вечера он вывел гулять свою собаку – дворняжку по кличке Сырок. Сырок был ровесником мальчика, но, в отличие от него, жизнь собаки подходила к концу. Пучеглазый, всегда с высунутым из пасти набок розовым слюнявым языком, пёс за последние два года заметно набрал вес, проще говоря, сильно разжирел. Ему стало трудно ходить, и время от времени он останавливался и потешно тьявкал, давая понять молодому хозяину, что ему нужна передышка. Он всегда был добрым и любящим псом, доверял людям и в жизни никого не обидел, даже соседскую кошку встречал, приветливо махая куцым хвостиком. Мальчик очень любил своего пса, ведь друзей у него не было. Его родители развелись, когда ему исполнилось два годика. Жил он у бабушки, родная мамочка редко его навещала, не говоря уже об отце, которого он не видел вот уже несколько лет. Если он не нужен своим родителям, что можно было ждать от чужих людей.

Чувствуя свою некую ущербность, Юра жил как маленькая мышка, в школе его не обижали, потому что хулиганы считали умным и добрым. Да и что с него было взять? А вот учился Юра хорошо и всегда давал списать. Еще он любил рисовать, и одноклассникам рисунки нравились. Он умел так подчеркнуть положительные черты во внешности и в характере изображаемого им человека, что к нему выстроилась настоящая очередь не только его одноклассников, но и детей из старших классов.

Сегодня Юра вышел на улицу с хорошим настроением, погуляв с Сырком, он хотел успеть закончить картину, которую писал тайно ото всех. На ней он изобразил девочку Машу, из параллельного класса, она ему нравилась, он думал, что любит ее. А потом он хотел посмотреть очередную серию мультика про роботов. Компьютера или планшета ему никто из родных не купил, поэтому он довольствовался единственным доступным ему развлечением – телевизором. Конечно, смотреть в тринадцать лет мультики – это не круто, но подвергать Юру критике было некому. Размышляя таким образом, он зашел на пустырь, расположенный довольно далеко от дома. От мыслей его отвлек довольно грубый окрик:

– Эй, зассыха! А ну-ка иди сюда!

Юра обернулся – и сердце ушло в пятки. Со стороны дороги через пустырь к нему приближалась компания подростков, человек восемь. На первый взгляд, они выглядели старше его года на два. Сырок остановился рядом с хозяином, но продолжал смотреть вперед своими подслеповатыми карими глазами и совсем не чувствовал приближающейся к ним угрозы. А насторожиться следовало. Ребята были явно на взводе, в руках они держали кто бейсбольную биту, кто велосипедную цепь, а кто просто прут арматуры. Юра попытался продолжить путь и убраться с пустыря побыстрее. Тогда, разгадав его намерения, двое идущих впереди парней побежали и один из них закричал:

– Стоять, гондоша! Или мы тебя точно догоним, и тогда тебе только хуже будет!

Угроза подействовала: Юра остановился и желал лишь одного – чтобы все происходящее сейчас быстрее закончилось. Его со всех сторон окружили агрессивные захватчики. Помощи ждать было неоткуда. Из одежды большие пацаны предпочитали широкие рэперские штаны, цветные футболки с изображениями черных гангстеров, на их ремнях висели толстые металлические цепочки, а на пальцах блестели тяжелые кольца.

– Мальчик гуляет с собачкой. Как трогательно. Зовут тебя как, Татошка? – спросил один из хулиганов с рябой физиономией и косящим левым глазом.

– Юра.

– Как? Юля?

Раздался гогот довольных глупой шуткой друга подростков.

– Юра, – промямлил мальчик еще тише. Рядом с ним стоял Сырок и весело махал хвостом, смотря совсем без страха на этих весёлых мальчишек.

– Слушай, собака у тебя какая-то не боевая, – вмешался в разговор другой подросток, с серьгой в ухе, крутя биту в руке. – Давай мы ее тебе надрессируем. Сделаем из нее настоящего боевого пса. Хочешь?

Сразу несколько рук потянулись к поводку и вырвали его из рук Юры. В ответ он шагнул за поводком, беспомощно протянул руки и сказал:

– Ребята, не надо.

Ближе всех оказавшийся к нему хулиган ударом ноги сделал ему подсечку и завалил наземь. Прыгнул ему на спину и коленом вдавил Юру в грязь. Рябой предводитель подошел к нему, склонился и сквозь зубы злобно прошипел:

– Не дергайся, а то мозги расплескаю. Смотри и получай удовольствие, Юля.

В это время несколько подростков тащили скулящую собаку к одиноко торчащему давно засохшему дереву. Там они нашли веревку, накинули на шею скулившего Сырка петлю и, перебросив ее через сук, стали тянуть пса вверх. Сырок задрыгал лапами и захрюкал, глаза собаки, и так от природы навывкате, наполнились кровью и чуть не выскочили из орбит. Подросток с серьгой в ухе стал раскачивать повешенного пса и кричать ему: «Апорт! Голос! Апорт!» Все смеялись. Юра, захлебываясь от слез, продолжал просить:

– Отпустите Сырка. Пожалуйста, отпустите! Сырок, Сырок! Ну пожалуйста!

– А-а, тебе понравилось. Мы готовы потренировать, как эту вонючую шавку, и тебя, – сказал Рябой.

Кто-то из подростков запел, подражая Кипелову:

– Он свободееен!

– Может, его еще можно спасти! Снимите, я вам все отдам! – проревел Юра.

Ответом ему стали лишь смешки. Привязав конец веревки к стволу дерева, хулиганы вернулись к Юре. Его поставили на ноги и стали избивать. Пинали ногами, били руками, хлестали цепями. Когда он падал, его поднимали и снова били. Сначала пацаны не вкладывались, а только мутузили Юру как бы вполсилы, но вид крови все больше разжигал их аппетиты, и с каждой минутой они все сильнее напоминали соскочивших с диеты зубастых пираний. Вскоре Юра уже не мог стоять без чужой помощи. Заведя ему руки за затылок, один из хулиганов удерживал его, пока остальные, как в спортзале, отрабатывали на нем, будто на груше, разнообразные удары. Юра не мучался от боли, он думал о Сырке и ему так защемило сердце, что стало всё равно, что дальше с ним сделают.

Когда он потерял сознание, его бросили на кучу мусора, и все по очереди стали прыгать на Юриной голове. От прыжков шестого по счету подростка она лопнула. Этот характерный звук треснувшего пополам арбуза и вывел меня из кошмара. К моей будке сквозь туман убегающего в небытие видения приближался Федя, подойдя, он бодрым голосом произнес:

– Пойдем. К нам привезли очередную посылку на тот свет. Пошли.

– Ага, сейчас.

«А где... Егорушка», – хотел спросить я, но не успел. Из-за спины Федора выплыла его сальная слащавая морда.

– Что, Федор, в нашем хранилище прибыло?

– А, и ты здесь? Так домой и не ушел?

– Как видишь. Кого в этот раз привезли, ты не в курсе?

Егорушка был какой-то взвинченный, мне показалось, даже имел виноватый, смущенный вид, как если бы его застукала мама за занятием онанизмом в спешке оставленной, незакрытой ванной комнате. Интересно, чем это он тут занимался, пока я дрых? К тому же опять, скорее всего, непроизвольно тербил свои половые органы. Фу, фу, фу. Ну и тип. Но тут Федя ответил на вопрос, и я забыл обо всех своих подозрениях.

– Ребенка привезли, мальчика. Я уже сходил, посмотрел, жуть. Ребята сказали: забили насмерть.

Глава 5

Прогуливаясь на следующий день по парку, я размышлял, и мои мысли принимали все более решительный характер. Если эти путешествия в последние часы жизни жертв насильственных преступлений будут продолжаться и дальше, я так долго не выдержу. Придется мне все же уволиться. Нормально спать днем я не могу: то забытье, в которое я впадаю каждое утро после ночной смены, сном назвать язык как-то не поворачивается. Ночью перед сменой меня мучают кошмары, навеянные предыдущими моими видениями. Ну а на работе меня уже ждут покойнички, жаждущие излить мне мрачные тайны своей жизни и смерти. Нет, спасибо, если за следующую неделю всё не придёт в норму, я плюну и заново начну поиск работы.

Следующим вечером, собираясь на работу и кладя в сумку уже ставшие для меня обычными вещи – планшет, термос, бутерброды, форму, я поймал себя на мысли, что мне опять хочется выпить. Заглушить чересчур яркие для меня впечатления от моей проклятой работы. Я застыл над раскрытой сумкой, раздумывая, а не взять ли с собой пару банок пива или, еще лучше, чекушку водки. Если пить каждую смену, так и спиться можно запросто. Последняя мысль меня остановила, и, вместо того чтобы пойти к холодильнику и достать из него запотевший пузырь с вожделенной алкогольной отравой, я застегнул молнию сумки и отправился на работу.

Шел третий час моего дежурства, когда я заметил по монитору наружной видеокамеры, как около дверей морга ходит девушка. Она то подходила к дверям, то исчезала в темной зоне, то снова возвращалась. Наконец, решившись, поднялась по трем ступенькам крыльца и взялась за ручку двери. Центральные двери на ночь мной запирались, и поэтому я очень удивился, когда раздался характерный скрип давно не смазанных петель. Не на шутку забеспокоившись, я вышел со своего места и двинулся по коридору навстречу неожиданной ночной гостье. Девушка от силы достигла той поры, в народе называемой подростковым половым созреванием. На вид я мог дать ей лет пятнадцать-шестнадцать, юный цветок, чей бутон еще не до конца раскрылся. Коротко подстриженная под мальчика, с очаровательными, огромными, завораживающими своим постоянно переливающимся блеском зелеными глазищами, будто наполненными солнечными искрами. Кожа лица своей гладкой поверхностью свободно могла посоперничать с гладью спокойного горного озера. За нежно-коралловыми губами скрывались идеально ровные белые зубки. Отличительные знаки женской фигуры еще не до конца оформились, но уже сейчас можно было понять: созрев, эти формы сведут с ума ни одного мужчину. Девушка была одета ярко, почти по-детски, в ее одежде преобладали розово-желтые тона. Ее ноги были обуты в розовые кеды, усыпанные стразами. Юбка желтого платья оставляла открытыми колени, кожу ног охраняли телесного цвета колготки, а ее плечи прикрывала короткая джинсовая куртка, почти доходившая до осиной талии. Косметикой она либо не пользовалась, либо сегодня решила от нее отказаться. И дополняла образ девушки бижутерия. Множество колечек, сережек, а на шее поверх платья на тонкой золотой цепочке висела перевернутая серебряная пятиконечная звезда. Я хорошо видел – девушку что-то волновало, она заметно нервничала, и выражение глаз такое грустное-грустное.

– Что вы здесь забыли, девушка, в этом далеком от веселья месте, да еще ночью? – подойдя к ней, начал я разговор. Подспудно я хотел ей понравиться и поэтому задал вопрос в несколько шутилом тоне.

– Вы могли бы мне помочь? – неуверенно начала она. – Правда, я не уверена, сможете ли вы.

– Так в чем суть? Не стесняйтесь, выкладывайте.

– Меня зовут Вика, я заблудилась. Где я, а?

Вот хрень, может, она таблеток наглоталась, вон глаза какие.

– То есть, как это заблудилась? Вы что, не знаете, где находитесь?

– Я помню, пришла домой (только вот откуда?), прошла в свою комнату. Папы дома не было. Мне стало очень плохо, закружилась голова. Я села на диван, и вот я уже здесь. Странно, правда? И у меня с собой ни телефона, ни денег. Можно я от вас позвоню?

– Да, пойдёмте, я вам свой телефон дам. А вы вообще ничего не помните? Даже не подозреваете, где вы?

Мы шли к посту, и она, смешно повернув ко мне голову, остановилась. В интонации задаваемых мною вопросов Вика уловила скрытую подсказку и поэтому еще раз переспросила:

– Где я?

– Только не надо бояться, вы в морге, моя юная леди.

Ее лицо вздрогнуло, как от пощечины, и глаза сделались еще больше, хотя мне с трудом удалось бы представить это еще минуту назад. Она проглотила ставший непрожеванным куском комок в горле и как бы про себя прошептала:

– О господи. Это многое объясняет, – и, уже обращаясь ко мне, попросила: – Какой ужас... я хочу, чтобы папа меня быстрее отсюда забрал.

К этому времени мы уже подошли к посту охраны, я перегнулся через раму окна будки и достал свой сотовый телефон.

– Вы помните его телефон? – спросил я, протягивая Вике трубку.

– Конечно помню, – произнесла она сквозь подступавший туман слез.

Ну вот, только этого не хватало. Еще минута – и мне придется утешать эту девушку, при помощи слез стремительно превращающуюся в маленького ребенка. Уж скорее бы за ней приехал её папаша. Но, к моему удивлению, влага лишь блеснула бриллиантовой росой на ее ресницах, после чего Вика подавила в себе желание разреветься. Она протянула свою ладошку, и, когда ее пальцы коснулись моих, в моей голове взорвалась красная бомба. Единственной мыслью, пронесшейся черным метеором по моему раскаленному до полыхающей белой красноты полотну сознания, стало: «Пиз*ец! Это началось снова!»

– Что ты переживаешь? Подумаешь, со всеми это случается, – говорил молодой симпатичный парень лет семнадцати. Подтянутый, без грамма лишнего жира, высокий брюнет. Широкий лоб, черные глупые глаза, по-настоящему мужской, большой красиво очерченный рот. Самовлюбленный эгоист, с детских лет привыкший получать всё, что взбретет в голову. – В конце концов, беременность не чума, пройдет – и не заметишь, – произнес последние слова, он ухмыльнулся.

– Леша, я боюсь. Если папа узнает, он меня убьет, – опустив голову, сказала Вика.

– Сама виновата, предохраняться надо было.

– Что ты такое несешь? Ты ведь у меня первый.

– Не знаю, это ты теперь так говоришь. Извини, верить на слово я не привык.

– Я не знаю, куда мне обращаться. В больницу меня, наверное, не возьмут, мне только пятнадцать, да и денег нет.

– Ага, вот мы и подошли к самому главному. Тебе от меня только деньги нужны, да?

– Лешенька, ты же мужчина, придумай что-нибудь! – воскликнула Вика. Так как разговор происходил в уличном кафе около метро в семь часов вечера, народу там гудело предостаточно. Многие из них, услышав девичий вскрик, обернулись и стали смотреть на молодую парочку.

– Не кричи. На тебя люди внимание уже обращают.

– Извини.

– И по поводу мужчины тоже не надо меня разводить. Короче, денег у меня нет, и свою проблему решай сама.

– Леша, мне обратиться больше не к кому, срок – два месяца. Если отец узнает, он меня заставит сознаться, кто это сделал.

– Сделал что?

Парень разозлился, одновременно в его мозгу промелькнул образ отца Вики. Представив себе воочию ее папашу, он очконул. Они с Викой учились в одной школе, только он на два класса старше, и все ученики, без исключения, знали ее папу – Виктора Павловича. Личность поистине колоритная: бородатый мужик под два метра ростом, то ли бандит, то ли старообрядец, чем он занимался, толком никто не знал, но он явно не бедствовал – четырехкомнатная квартира с евроремонтom, дорогие машины, которые он менял каждое лето, часы, одежда экстра-класса.

В общем, слухи про отца Вики ходили разные. Однажды отец одноклассницы Вики неудачно пошутил насчет его бороды на родительском собрании. Виктор Павлович блеснул своими паучьими глазками из-под густых бровей и произнес: «Грубо вы разговариваете, уважаемый, так можно и беду на свои кости накликасть. Не приведи господь, разобьют, и потом не соберешься, так калекой – перекасти тележку и останетесь», – после чего задумчиво покачал головой. И произнес он это таким замогильным голосом, что слова его казались тяжелее камней. У всех сразу пропала охота шутить, включая и злосчастного мужчину, начавшего этот разговор. Этим же вечером, только чуток попозже, после собрания этот мужчина возвращался домой. Припарковав машину, он направился к своему подъезду. Прямо у дверей на него напали и переломали ему и руки, и ноги. Лиц нападавших или нападавшего он рассмотреть не успел. Доказать причастность к этому отца Вики не удалось, хотя все, без исключения, были уверены, что это его жестокая месть за безобидную шутку пострадавшего.

Прокрутив сейчас в голове известные ему факты об отце его бывшей, Алексей удивился, почему он раньше об этом не подумал. Да, была еще одна немаловажная деталь – Виктор Павлович обожал свою дочку и был готов ради нее на все. С таким агрессивным мутантом Алексей не хотел иметь дела и мимоходом, поэтому, немного успокоившись, он нарочито уверенным тоном произнес:

– Ладно, не ной. Смотреть на тебя противно. Дам я тебе один адресок. Мой хороший знакомый учится на четвертом курсе медицинского института, факультет хирургии, я его предупрежу. Ну а дальше ты сама.

– Спасибо, Леша. А сколько это будет стоить?

– Будет, будет. Ты ко мне с этим не лезь. У него сама все узнаешь и разберешься как-нибудь. Все, пока. Адрес и телефон студента пришлю эсэмэской, – с этими словами он встал и, расплатившись у барной стойки за кофе, покинул навсегда заведение и Виду.

Вика посидела еще минут пять и тоже вышла на улицу. К этому времени ее айфон переливчато запиликал, возвещая приход сообщения с координатами абортатора-любителя.

Стоимость подпольного аборта оказалась равна двадцати пяти тысячам рублей. Вике пришлось заложить три папиных подарка – две золотые цепочки и колечко с рубином. Студента звали Валентин. Худосочный нервный тип с россыпью ярких прыщей на лбу. Он боялся не меньше Вики, а может, и больше. Он бы никогда не взялся за такую опасную операцию, да еще нелегальную, но ему были нужны деньги. Очень нужны, до той крайней степени, за которой обычно приходилось расплачиваться собственной шкурой. Валентин страдал игроманией, и, если к следующему понедельнику он не погасит хотя бы часть долга, ему придется худо. Те, кому он задолжал, не казались какими-то зубастыми криминальными авторитетами или матерыми ворами в законе. Они в обычной жизни походили на вполне нормальных и очень дружелюбных людей, за одним маленьким исключением: в их паспортах стояли отметки об неоднократных судимостях. К долгам они относились как попы к иконам, для них это было свято, этому их в первую очередь научили на зоне. Следование правилам, пусть криминальным, упорядочивает жизнь, делает ее более осмысленной, даже если ты полный отморозок. Отсюда выходит закономерность: как только он им проиграл, их веселые улыбки испарились, оставив звероподобный оскал хищной уголовщины. Оба-на, мистер любитель легких денег,

деньги на бочку или член на стол. Само собой, понятно, с членом ни один мужчина расставаться не спешит. Пришлось идти на риск.

Операцию назначили на вечер субботы, когда предки Валентина традиционно всюю веселились на даче. Жил он на окраине Москвы, в спальном районе Ясенево. Вика сначала ехала на метро, потом на автобусе и еще шла пешком минут десять. Пока она продвигалась к дому студента, ее со всех сторон окружали угрюмые серые многоэтажки советского периода. Когда-то они выглядели белыми, а теперь от их ауры города света осталась одна депрессивность цвета пыльного бетона.

От детских площадок, расположенных рядом с подъездами домов, в пульсирующее фосфором городских огней темное небо неслись крики отдыхающих на них групп пьяной молодежи. Пахло разлитым на дороге мазутом и прелой листвой из соседнего парка. Вика вздрагивала от каждого громкого звука, ей казалось, что это кричат ей, еще немного – и какая-нибудь компания обязательно выбежит ей наперерез, начнет тыкать в нее кривыми пальцами и гоготать, гоготать, гоготать...

Конечно, это её мучили, разыгравшиеся в темноте наступившего вечернего времени и души, фантазии. Она очень боялась, чувствовала себя одинокой и брошенной. Она боялась разочаровать своего папу, боялась боли операции, переживала за своего нерождённого ребенка: «Кто он? Мальчик? Девочка?» А еще она продолжала любить Алексея, ждала, что он с минуты на минуту позвонит и приедет за ней. Глупо. А что делать? Такова жизнь.

Валентин жил во втором подъезде огромного подковообразного дома, на шестом этаже. Когда Вика поднялась в зассанном до дыр лифте, он её уже ждал. Как только она подошла к двери его квартиры, он распахнул её перед ней, быстро впустил внутрь и тут же запер. Не хотел, чтобы соседи Вику увидели. Вид он имел взлохмаченный и весьма обеспокоенный.

– Принесла?

Вика догадалась, что это он спрашивает про деньги. Она открыла свою сумку и достала тощий конверт. Пока он пересчитывал купюры, она осмотрелась кругом. Обстановка квартиры весьма скудная, ремонт не делали лет двадцать. Лампочки тусклые, обои в углах пошли волнами. Напольное покрытие – дешевый линолеум в пошлый желтый цветочек. Наконец, сосчитав, наверное, в пятый раз свой гонорар, Валентин велел ей раздеваться и проходить в большую комнату, а сам поспешил в другую – прятать деньги.

В большой комнате все уже готово к операции: разобранный на всю длину обеденный стол застелен резиновой простыней. В нише стенки лежат инструменты (какие-то длинные спицы, крюки и жуткие клещи-расширители), медикаменты; рядом стоит таз с водой; висят полотенца; белоснежно цветут тампоны, бинты.

– Что стоишь? Раздевайся и ложись на стол, – сказал, заходя в комнату, студент.

– Снимать всю одежду?

– Нет, только низ, – ответил через плечо Валентин, копясь в инструментах.

Она разделась и легла головой к зашторенному наглухо окну, а ногами – к двери, глаза закрыла. Клеенка оказалась холодной, нежная кожа Вики покрылась пупырышками, холодно. Валентин надел халат и резиновые перчатки. Нацедил в одноразовый шприц обезболивающего и, зайдя Вике между ног, сделал укол. Также он вставил ей в вену катетер и через него подсоединил капельницу. Ощущение не из забавных, и дальше стало намного хуже. Подождав минут пять, пока не подействует укол, студент начал операцию.

Нельзя сказать, что Вика ничего не ощущала: когда режут по живому, копаются в тебе металлическими, чужеродными твоему телу инструментами, приятно мало. Она чувствовала, как что-то отворачивают, раздвигают, вытягивают из нее нечто вроде упругого пузыря. В какой-то момент по ее ляжкам, ближе к ягодицам, потек теплый ручеек. Вика немного дернулась и тут же услышала приглушенную команду: «Черт! Держи ноги шире!» После этого грубого окрика до самого конца она оставалась неподвижной. Что он там с ней делает, напря-

мую Вике видно не было, зато, повернув голову набок, в стертых стеклах серванта она могла увидела отражение всех манипуляций, продельваемых с самыми сокровенными частями ее тела. Смотреть на них долго становилось страшно до неизбежного обморока. Поэтому Вика закрыла глаза, на нее опустилась стена непроглядной, вечной, как монолит, тьмы, о существовании которой она и не подозревала. От этого становилось еще страшнее: испугавшись этого чувства, воспринятого Викой как воплощение самой смерти, вынудившего её, она открыла глаза. Решив смотреть только на потолок, сконцентрировалась на его неровностях. Через тридцать минут в эмалированный таз, поставленный рядом с левой ножкой стула, шмякнулся мокрый комок: аборт закончился.

– Всё, вставай, одевайся. Загваздали мы с тобой все тут, – загундел Валентин, оглядывая испачканную кровью клеенку и следы от тяжелых капель крови на полу. – Можешь ехать домой. Предупреждаю: тебя может штормить, это нормально. Приедешь домой – сразу ложись. Неделю не напрягайся и побудь дома. Сексом не занимайся два месяца, алкоголь не пей.

Вика встала и поняла, что сейчас упадет. Она схватилась за стол, и ее правый мизинец попал в натекшую из ее нутра лужицу. Вика посмотрела на клеенку, и вид беспорядочно расплесканной красноты закружил ее слабую голову в два раза сильнее. Она отключилась. Как ее привели в чувство и вытолкали в теплую вонь подъезда, помнила смутно. Хорошо еще, что не увидела содержимое таза. Домой Вика добиралась, как ей показалось, в разы дольше, чем к студенту медику.

Приехав, она открыла своим ключом дверь квартиры. Навстречу ей ринулась темнота, значит, отец так и не вернулся. «Тем лучше», – подумала она и прошла в свою комнату. Заглянула настольную лампу и с ногами забралась на диван.

Вике стало плохо, обезболивающий укол потерял свою силу, и ее посетила тихая боль. Вика свернулась калачиком, накрылась пледом и легла лицом к стенке. Странные мысли приходили ей в голову, она заново переживала операцию и тут же с холодной гадливостью думала о возможном в будущем сексе. Прележав так минут десять, Вика с возрастающей тревогой почувствовала неприятное, усиливающееся с каждой секундой жжение, исходящее из самой глубины ее лона. Откинув плед в сторону и задрав себе юбку, девочка, так и не ставшая настоящей женщиной, увидела на своих колготках разрастающееся пятно крови. До телефона, оставленного в кармане джинсовки, добраться ей не удалось. Во второй раз за этот день она потеряла сознание. Вика так и осталась лежать в коридоре; когда вернулся ее отец, было слишком поздно: тело успело остыть.

Уже вырываясь из той грубой, несправедливой реальности в свою, я услышал затухающие с каждой долей секунды, непонятные мне тогда слова Вики: «Я умерла в неподходящую ночь, хорошо охраняй мое тело до похорон».

Очнувшись от очередного жуткого сна в обильном озере липкого пота, я утерся салфеткой, взял со стола книгу регистрации жмуров и стал искать. В мою смену эту девочку не привозили, могли привезти, конечно, и сейчас, ночь только перевалила за двенадцать, детское время для покойничков. Но внутренний голос мне говорил: ее труп уже здесь, в морге. И для того, чтобы в этом убедиться, мне не обязательно спускаться в холодильник. Искомую запись я нашел на предыдущей странице. Вику к нам привезли прошлой ночью. Я задумался. Да, если вначале для контакта со мной мертвым требовалось навалиться на меня всей своей ментальной мощью, то в последнем случае этой девочке хватило лишь легкого прикосновения. Мой организм самонастраивался на их сообщения, и от осознания этой мысли мне становится еще страшнее. Если они привяжутся, то уж точно просто так в покое не оставят. Кому, скажите, хочется всю жизнь разговаривать с мертвецами? Постоянно жить с ними, невидимками для всех остальных и страшной реальностью для вас? Уж точно не мне.

Глава 6

Всю оставшуюся часть ночи я не находил себе места, меня тревожили смутные предчувствия беды. И это было связано с этой девочкой – Викой. В смутных тенях углов холла мне виделся ее зыбкий силуэт, а в ушах звучал ее голос. Казалось, она говорила мне: «Не дай ему этого сделать со мной! Не дай!» Я сходил с ума. Неужели она продолжает со мной говорить? Кому, чего не дай? Ведь Вика уже мертва. Ее первый парень – подонок, обрюхатил ее и бросил, а его дружок – прыщавый студент – зарезал. Все было кончено. Или нет?

Так, промучившись, я встретил рассвет, а в семь часов утра мне позвонили из центрального офиса и сказали, что мой ночной коллега заболел и мне нужно выйти на дежурство в двадцать ноль-ноль уже сегодняшнего дня. Проведя такой же сумбурный день, теряясь в сомнениях и догадках, я точно, минута в минуту к началу дежурства прибыл на свой пост. Там меня встретила улыбающаяся физиономия Егорушки. Поболтав со мной за жизнь, он предложил выпить. И несмотря на то, что у него оказался только адски ядовитый портвейн «три топора» – три бутылки, я с радостью согласился.

– Давай выпьем за жизнь, Ваня!

Егорушка поднял стакан с янтарной жидкостью и, прищурившись, сквозь нее посмотрел на лампу в нашей каморке.

– Чин-чин, Егор.

Я выпил: сладкая, пощипывающая горло влага потекла в желудок. По шарам ударило моментально, хуже водки, честное слово. Ядреная отравка. Из закуски у нас оказалось печенье творожное, хлеб и половинка помидора. Правда, половинка была большая! Ха-ха!

– Неплохо, – произнес с набитым печеньем ртом Егорушка, – давай следующую. Чего ждать, процесс прерывать! – наливая в стаканы вино, срифмовал он и при этом почесал свои яйца.

– Слушай, Егор, чего ты чешешься все время? – раздраженно спросил я. Мне эта его непосредственность порядком поднадоела, и я решил его таким образом урезонить. Он, ничуть не смутившись, ухмыльнулся и ответил:

– Гонорея.

У меня непроизвольно открылся рот, и я отложил в сторону кусок черного хлеба.

– Ха-ха-ха! Шучу я, расслабься!

На третьем стакане меня потянуло в сон, а на четвертом – вырубил.

Если судить по висевшим в холле часам, очнулся я минут через сорок. Из объятий шутника Морфея меня вырвали постоянные призывы и крики боли. В голове, пока я спал, бушевал пожар чужих эмоций, который не смог до конца проникнуть в мою душу, наткнувшись на барьер, выстроенный из бутылок некачественного алкоголя. О чем просила Вика (а это была именно она, я уверен), куда она меня звала, так и осталось загадкой. Океан тьмы отхлынул, и я вынырнул. Затылок ломило, во рту открылся общественный туалет для свиней, а руки тряслись словно с трехдневного перепоя. Вот так портवेशок! Спасибо, Егорушка, чтоб тебе сдохнуть!

– Егор, где ты, подлый змий? – позвал я, но он не откликнулся.

Крикнув еще несколько раз, я понял: произошла непоправимая беда. Подталкиваемый внутренним предчувствием тревоги, я схватил свою дубинку и ведомый некой силой извне побежал к лифтам. В нескольких шагах от них меня стошнило. Стало легче. Спустившись, я увидел, что двери холодильника открыты, из его глубины доносилась приглушенная штормовая возня. Я тихонько, ступая на одни носки, подкрался ко входу в холодильник и осторожно отодвинул в стороны мутные шторы тепловой завесы. Открывшаяся картина глубоко шокировала меня, я не поверил своим глазам и несколько раз потер их кулаком. В середине холодильника стояли два хромированных стола для вскрытий. Вокруг них на клетчатом полу ровными

рядами лежали покойники. На первом столе на животе скучал, отсвечивая голыми волосатыми ягодицами, дохлый мужик. Я помнил, его к нам привезли из нашей же больницы, умер он от гнойного перитонита, прямо во время операции. На второй стол залез жирной потной горой мой долбаный сослуживец и прыгал на трупе девушки, активно трахая ее развороченные абортными крюками нутро. Ее ноги были привязаны бечевкой к трубам, поэтому они, слегка приподнимаясь над столом, оказались широко раздвинуты и образовывали римскую цифру пять. Как только я понял, на чей труп позарился некрофил Егорушка, в моей голове поднялся тяжелый занавес, до сих пор скрывавший от меня неприглядную тайну, а с этим меня посетило и иное озарение – случилось случайное страшное, и что будет дальше – одному богу известно.

Я увидел хоровод образов, они выстраивались перед моими глазами странными фигурами, скрывающими в себе тайный смысл происходящего. Нет, слов ни от живых, ни от мертвых я больше не слышал, но эти знаки объяснили мне всё. Ночь, когда происходил аборт, была необычной. Именно в эти несколько ночных летних часов потусторонний мир демонов и безумных богов приближался к нашему на самое короткое расстояние – расстояние рывка. Необходимым, обязательным условием того, чтобы реальность дала трещину ипустила к нам загробную нечисть, стало проведение мерзкого ритуала. В жертву требовалось принести нерожденного от первой любви ребенка вместе с его матерью, а затем в течение девяти дней после их смерти, но не раньше, чем на третью ночь, труп девушки должен быть оплодотворен безумным человеком с черной душой и гнилым семенем (значит, слова Егорушки про гонорею не были шуткой). И вот теперь все случайным образом сложилось, совпало. Как раз сейчас я и застал противоестественное окончание данного ритуала. Мне стало понятно отчаянное желание Вики рассказать об этом, но было поздно.

Красная пелена ярости, будто солнцезащитные очки, опустилась на мои глаза, я выхватил резиновую дубинку и рванул огненным вихрем праведного гнева к Егорушке. С детства ненавижу всех этих богопротивных маньяков. Ловко перепрыгивая через тела, приготовленные некрофилом к разгульному пиру удовлетворения его извращенной похоти, я с разбегу врезал ему дубинкой по затылку и столкнул трясущуюся в оргазме тварь с бедного мертвого ребенка в объятия клетчатого кафеля. Он не сопротивлялся, застуканный на месте преступления Егорушка, оглушенный моим жестким ударом, лежал, подогнув ноги под свое толстое пузо, подняв плечи и протянув трясущиеся ладони в направлении исходящей от меня угрозы. Я не отказал себе в удовольствии и отходил его бока моим демократизатором. Для острастки пнув его пару раз в морду, приказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.